

А. В. ТИШКОВ

Рудольф
Дубль

ПЕРЕД
АМЕРИКАН-
СКИМ
СУДОМ

А. В. ТИШКОВ

РУДОЛЬФ АБЕЛЬ
ПЕРЕД
АМЕРИКАНСКИМ
СУДОМ

А. В. Тишков

34И Рудольф Абель перед американским судом,
Т 47 М., «Юридическая литература», 1971.

72 с.

В брошюре рассказывается о судебном процессе над арестованным в 1957 году в Нью-Йорке американскими властями советским разведчиком полковником Р. И. Абелем. Автор брошюры показывает, как американские суды в течение трех лет, грубо попирая элементарные нормы судопроизводства США, завершили этот процесс осуждением Абеля к 30 годам тюремного заключения. Не сумев сломить мужества Абеля, власти США вынуждены были согласиться обменять его на осужденного в СССР американского шпиона Пауэрса.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

1-10-4

15-БЗ-8-71

21 июня 1957 г. в Нью-Йорке был арестован советский разведчик — чекист Рудольф Иванович Абель.

Дело Абеля тянулось в различных судебных инстанциях около трех лет. Вокруг процесса Абеля печать США и других капиталистических стран подняла большую антисоветскую шумиху. А когда Верховный суд США подтвердил приговор первой инстанции, осудившей Абеля на тридцать лет тюремного заключения, газеты напечатали текст заявления его адвоката Джеймса Донована. Вот что он гласил: «Сам факт, что в Соединенных Штатах Абель был подвергнут всей должной законной процедуре, имеет и здесь и за железным занавесом гораздо большее значение, чем конкретный исход дела».

Откровенно до цинизма. Конкретный исход дела для подзащитного имеет, по Доновану, меньшее значение, чем пропагандистский эффект, который может принести США «законная процедура» над Абелем.

Позднее, в 1964 году, Донован издал книгу «Незнакомцы на мосту. Дело полковника Абеля»¹. Основой для его книги послужили материалы предварительного следствия, судебные протоколы, дневник, который вел Донован, будучи адвокатом Абеля, его переписка со своим подзащитным и с министерством юстиции США. Таким образом, книга Донована, если отбросить его рассуждения и оценки, носит документальный характер, довольно полно и точно отражает ход процесса, а также сопутствующие ему события и факты. Книга по существу была предназначена восхвалению «демократичности» и «справедливости» американского суда. Однако

¹ James B. Donovan, *Strangers on a Bridge, The Case of Colonel Abel*, Atheneum, N.-Y., 1964.

те фактические данные, которые Донован как защитник Абеля вынужден был приводить на суде, а затем повторить в своей книге начисто опровергают этот миф.

Имя Абеля — мужественного советского разведчика — широко известно у нас в стране. Он выступал в кино (пролог фильма «Мертвый сезон»), в советских газетах и журналах.

В настоящем издании дано подробное освещение судебного процесса, носившего официальное наименование «Правительство Соединенных Штатов против Рудольфа И. Абеля». Автором использованы и обобщены материалы, содержащиеся в книге Донована и в советской печати. Фактическая сторона дела уточнялась с самим Абелем. Им же выполнены и иллюстрации, помещенные в данной брошюре.

АРЕСТ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ

В Нью-Йорке, по соседству с Бруклинским мостом, где с грохотом движется нескончаемый поток машин, расположена Фултон-стрит. Там, на верхнем этаже дома № 252, в декабре 1953 года открыл свою студию художник Эмиль Голдфус. Это был одинокий, пожилой человек лет пятидесяти, с острыми чертами лица и большим черепом, украшенным солидной лысиной. Примечательным в его внешности, пожалуй, был только пронизывающий взгляд серых глаз, всегда внимательно и сосредоточенно смотревших сквозь очки на собеседника.

Голдфус вел тихую, скромную жизнь. Дела его, по видимому, шли не очень хорошо. Об этом говорила и поношенная одежда, правда, всегда хорошо вычищенная и отглаженная, и обстановка его студии, где художник жил и работал. Там было много картин, сюжеты которых в основном были взяты из жизни бедных кварталов Нью-Йорка, и самая необходимая дешевая мебель.

Но у Голдфуса были небольшие сбережения, а когда живопись не могла его прокормить, он принимался за фотографию. Все это давало ему возможность не залезать в долги и аккуратно платить за свою квартиру-студию.

Тихий нрав, приветливость и готовность всегда оказать небольшую услугу или помощь снискали Голдфусу уважение соседей и хозяина дома.

Время от времени Голдфус отлучался на несколько дней из своей студии. Часто это просто проходило не-

замеченным. Соседи на его отсутствие не обращали внимания. Вероятно, опять поехал на этюды.

Но когда Голдфус уезжал с Фултон-стрит, расположенной в Бруклине, то в другом районе Нью-Йорка, в Манхэттене, в небольшом отеле «Латам», появлялся удивительно похожий на него мистер Мартин Коллинз. Он снимал скромный недорогой номер за двадцать девять долларов в неделю, но бывал в нем мало — часто приходил только ночевать. Никто не знал, чем он, собственно, занимается; служащие отеля считали Коллинза мелким бизнесменом, навещавшим Нью-Йорк по своим делам.

Однажды, ранним июньским утром, стук в дверь разбудил Коллинза, безмятежно спавшего в своем номере. Была душная ночь, и он спал раздетым.

— Кто там?

— Мартин Коллинз? — негромко произнес чей-то вкрадчивый голос.

Не одеваясь, Коллинз приоткрыл дверь, чтобы узнать, в чем дело. И тут же отлетел в сторону. В комнату ворвались три человека в штатском.

— Хелло, полковник! Мы знаем, кто вы, знаем, зачем приехали и что делали здесь, — сказал один из них.

— Меня зовут Фелан. А это Гэмбер и Бласко. Мы из Федерального бюро расследований и желаем с вами поговорить.

Все трое показали свои удостоверения, вставленные в обложки, предложили Коллинзу сесть на кровать и ответить на их вопросы.

Абель (это был он) встретил внезапное вторжение внешне спокойно. Прежде всего он попросил разрешения одеться, но ему в этом было отказано.

О чем думали эти люди? Может быть, надеялись, что в таком виде им скорее удастся морально сломить своего противника. Или просто не могли отказать себе в сомнительном удовольствии поиздеваться над попавшим к ним в руки советским офицером? Они не добились ни того, ни другого. Абель держался спокойно и с холодным достоинством.

Вопросы сыпались один за другим. Затем Абелью разрешили одеться и один из эфбееровцев, кажется, Бласко, заявил:

— Полковник, мы получили точную информацию о вашей причастности к советской разведке. Мы хотим, чтобы вы сотрудничали с нами. Если вы откажетесь, то будете арестованы, прежде чем выйдете из этой комнаты.

— Мы давно следим за вами и знаем всех ваших агентов, — добавил другой.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — отвечал Абель.

Примерно полчаса сотрудники ФБР уговаривали его согласиться на сотрудничество. На все уговоры и угрозы он отвечал лаконичным и твердым отказом. «Я имел право не разговаривать с ними, да и не желал разговаривать», — писал впоследствии Абель в своих письменных показаниях (аффидевите), представленных им в суд.

Тогда сотрудники ФБР отступили на второй план. В комнате появились новые действующие лица, ожидавшие своей очереди в коридоре. Это были сотрудники службы иммиграции и натурализации: Роберт Э. Шёненбергер, Леннокс Канцлер и Эдвард Д. Фарли. Абелю был предъявлен ордер на арест как иностранцу, нелегально въехавшему в США и не зарегистрированному в службе иммиграции. Начался обыск.

Положение для Абеля сложилось критическое. Дело в том, что этой ночью у него состоялся сеанс радиосвязи с Центром. На прикроватном столике стоял коротковолновый приемник «Холмкрафтер». Антенна от него поднималась на стену, пересекала потолок, уходила в ванную и оттуда выходила в окно. Сам по себе приемник еще ни о чем не говорил, но в комнате на этот раз находились условия связи, шифровальные принадлежности и некоторые другие вещи, хранившиеся обычно в специальном потайном месте.

С большим трудом Абелю удалось улучшить момент и спустить в унитаз свой шифр и принятую в ту ночь радиограмму, но многие другие вещи, изобличавшие его как разведчика, попали в руки ФБР.

С первых же слов сотрудников ФБР, называвших его «полковником», Абелю стали ясны причины провала. Его предал Рейно Хейханнен. Только он знал о том, что Абель — кадровый советский разведчик и его воинское звание.

Стремясь показать свою «осведомленность», сотрудники ФБР сами выдали свой источник. «Жалкая тварь, —

подумал Абель, — спился и стал легкой добычей американской контрразведки».

Абель понимал, что предательство Хейханнена, который теперь, конечно, будет свидетельствовать против него, еще более осложняет положение. Но вместе с тем знание, откуда произошел провал, действовало и успокаивающе. Абель знал, что именно может показать Хейханнен, а это намного лучше, чем теряться в догадках. Неопределенность в таких случаях хуже всего.

«Все ясно! Одна фаза моей работы кончилась, началась другая», — подумал Абель. И с этой минуты все его мысли, вся воля были направлены на то, как лучше справиться с задачами, возникающими перед ним в этой другой, незнакомой ему фазе.

Обыск длился примерно час. Перерыли и перевернули все в номере. Затем надели на Абеля наручники, забрали упакованные чемоданы и через заднюю дверь вывели его из отеля и усадили в ожидавший автомобиль.

Пунктуальный Абель даже в таком печальном положении не забыл расплатиться за гостиницу. Он попросил сделать это за его счет одного из сотрудников ФБР.

— Ах, мистер Коллинз, мистер Коллинз! Кто бы мог подумать, — бормотал портье, глядя, как полдюжины агентов уводят скованного Абеля.

Впоследствии репортеры проинтервьюировали управляющего отеля «Латам». С точки зрения обслуживающего персонала Коллинз был хорошим жильцом — спокойным, скромным и нетребовательным. Фактически никто и не знал, когда он у себя, а когда отсутствует. «В этом, безусловно, проявилась сильная сторона Рудольфа, — пишет Donovan, — он всегда был лишь не приметным лицом в толпе — фамилией в регистрационной книге отеля, молчаливой фигурой в массе людей, влащащих жизнь без жалоб, ненавязчивых и безвестных».

Уже в машине, в окружении охранников, Абелю удалось избавиться еще от одной серьезной улики. В зажиме для галстука у него был спрятан кусок тонкой пленки с докладом по важному вопросу. Он стал поправлять галстук в надежде избавиться от волновавшего его зажима, но один из сопровождавших его сотрудников иммиграционной службы выхватил у него зажим и начал внимательно осматривать. Случайно ему удалось открыть тайничок, но пленка при этом неза-

метно выпала. Ничего не обнаружив, сотрудник вернул «поврежденный» зажим Абелю.

— Вы слишком подозрительны, — заметил повеселевший Абель.

Машина остановилась у дома № 70 по Колумбус-авеню. Там, в Главном управлении иммиграционной службы, Абеля сфотографировали и сняли отпечатки пальцев.

В тот же день сам Абель и принадлежавшие ему вещи исчезли из Нью-Йорка. На специальном самолете в сопровождении сотрудников иммиграционного управления Сили и Джаджа его доставили в Техас, в лагерь иммиграционной службы в г. Мак-Аллене.

Лагерь... Для большинства находившихся там интернированных иммигрантов, нарушивших существующие в США правила въезда и проживания иностранцев, это был действительно лагерь. В ожидании рассмотрения своего дела или высылки из страны они чувствовали себя там относительно свободно. Для Абеля это была тюрьма со строгим режимом. Его посадили в одиночку и допрашивали с утра до вечера («с перерывом на ленч», как уточнил в разговоре с автором Абель). Допрашивали даже в воскресенье. На первом же допросе Абель потребовал, чтобы ему предоставили адвоката, на что он по американским законам имел право, но ему ответили, что он получит адвоката позднее, на «официальной стадии расследования» (?!). Абелю стало ясно, что он находится пока вне закона и в отношении его ведется какое-то «тайное» расследование, никакими законами США не предусмотренное.

Тайное задержание и исчезновение Абеля из Нью-Йорка, отказ в предоставлении возможности связаться с адвокатом, длительное содержание под стражей без оформления ареста и предъявления обвинения заставили потом Донована сквозь зубы процедить, что с Абелем «что-то, по-видимому, было не так».

Четыре дня Абель вообще отказывался отвечать на вопросы следователей. Наконец, 25 июня заявил, что он — Рудольф Иванович Абель — является гражданином СССР, нашел в России в оставшемся от войны разрушенном блокадном крупную сумму денег в американской валюте, купил на эти деньги в Дании фальшивый американский паспорт и в 1948 году перешел с ним из

Канады в США. Он признал, что в течение девяти лет проживал в США незаконно, под тремя вымышленными фамилиями.

За исключением факта незаконного проживания в США, что отрицать было просто невозможно, все остальное было выдумкой. Но для иммиграционной службы важно было одно: задержанный признал себя иностранцем, нарушившим правила въезда и проживания в США.

В тот же день ему был назначен адвокат, некий Моррис Атлас, эсквайр из Мак-Аллена, а 27 июня чиновники иммиграционного управления начали официальное разбирательство дела.

Абель в присутствии адвоката подтвердил свою версию прибытия в США и что, проживая в США, он в разное время и в разных местах пользовался еще двумя именами — Эмиль Голдфус и Мартин Коллинз.

Он признал, что не зарегистрировался как иностранец и тем нарушил требования, установленные законом об иммиграции и гражданстве.

На вопрос, в какую страну он хотел бы быть депортирован, Абель ответил — в СССР.

Так закончилось следствие по тому обвинению, по которому Абель был арестован в отеле «Латам».

Но ФБР такой исход дела, конечно, не устраивал. Их интересовал не Эмиль Голдфус и не Мартин Коллинз, тихо и мирно проживавшие в Нью-Йорке, а полковник Абель. И допросы продолжались. Продолжались, несмотря на отсутствие ордера на арест.

Кончил свое дело и исчез «эсквайр из Мак-Аллена», и Абель опять остался один на один со своими следователями.

Допрашивали Гэмбер, Бласко и другие сотрудники ФБР.

— Они все время твердили, — писал Абель в своем affidavitе, — что если я буду сотрудничать с ними, то получу хорошую еду, напитки, комнату с кондиционированным воздухом и работу с годовым окладом в десять тысяч долларов в государственном учреждении Соединенных Штатов. Льстивые уговоры сотрудничать перемежались с угрозами, грубостью, а однажды дело дошло и до рукоприкладства: один из сотрудников ФБР ударил Абеля по лицу и сбил на пол его очки. Позднее, когда

расследование было окончено, адвокат, «чтобы не обострять отношений с ФБР», предложил Абелю включить в свой affidavit фразу: «Со времени ареста и до предъявления мне обвинительного акта ко мне не применялось физическое насилие и мне им не угрожали». Абель категорически отказался.

Абель никогда не признавал, даже в разговорах со своим адвокатом, что какие-либо его действия в Соединенных Штатах направлялись Советским Союзом. Он умел провести четкую грань между сведениями, необходимыми для защиты его законных прав и интересов, и информацией, представляющей ценность для контрразведывательных служб США. На протяжении всего следствия, а затем судебного разбирательства Абель стремился, чтобы подобная информация не исходила от него.

Три с половиной недели Абеля ежедневно допрашивали сотрудники ФБР. Так и не добившись нужных им показаний, они уехали. Прошло еще три томительных недели. Казалось, об Абеле все забыли. Наконец, после настойчивых требований ему предъявили ордер на арест, датированный 7 августа 1957 г., и сообщили, что по его делу имеется обвинительный акт. Самого акта, однако, Абеля не показали и с его содержанием не ознакомили.

Тогда же, 7 августа, мировой судья Эдинбурга (штат Техас) Дж. К. Холл вынес решение о передаче дела Абеля по подсудности в суд штата Нью-Йорк.

На следующий день Абель самолетом был снова доставлен в Нью-Йорк для предъявления обвинения и предания суду. На сей раз из этого не делали никакой тайны. Аэродром усиленно охранялся, теснились корреспонденты различных газет штатов Нью-Йорк и Нью-Джерси.

Обвинительный акт, подписанный прокурором Бруклина и Лонг-Айленда П. Муром и помощником генерального прокурора США, ведающим отделом внутренней безопасности, Уильямом Ф. Томпкинсом, занимал двадцать страниц крупного формата. Там, в частности, говорилось: «Начиная с 1948 года или примерно с этого года... Рудольф Иванович Абель, известный также как Марк (псевдоним) и как Мартин Коллинз и Эмиль Р. Голдфус, ... вошел в сговор (идет перечисление лиц. — А. Т.) с целью передачи сообщений и пересылки Союзу Советских Социалистических Республик ... документов,

текстов, фотографий, негативов, фотоснимков, планов, карт, моделей, заметок, инструментов, приспособлений и информации, касающейся национальной обороны Соединенных Штатов Америки, и особенно информации, касающейся вооружения, оснащения и дислокации вооруженных сил Соединенных Штатов, а также информации, касающейся американской программы в области атомной энергии...»¹.

Однако в обвинительном акте не содержалось никаких конкретных данных, указывающих на то, где, когда, от кого и какие именно сведения получал Абель. Не было данных и о том, когда и какие сведения или документы, карты, модели и т. п. Абель передал или переслал в СССР.

Далее в акте указывалось, что «составной частью указанного заговора являлось то, что обвиняемый... вербовал или пытался завербовать в качестве агентов некоторых служащих вооруженных сил на территории Соединенных Штатов Америки, которые располагали возможностью получать информацию, касающуюся национальной обороны».

Дело с обоснованием этого пункта обстояло не лучше. Тут обвинение, правда, ссылалось на сержанта армии США Роудса, работавшего ранее в Москве в американском посольстве, но Абель не только не «вербовал» и не «пытался завербовать» Роудса, но даже в глаза его не видел. Обвинение базировалось на показаниях Хейханнена о том, что Абель якобы поручал ему разыскать Роудса, но и эта тоненькая ниточка обрывалась, так как тот же Хейханнен показал, что найти Роудса ему не удалось.

Зато обвинительный акт во всех подробностях и деталях описывал технику «шпионской» деятельности Абеля. Перечислялся порядок использования коротковолнового радиоприемника, захваченного у Абеля, тайники для хранения материалов и другие вещественные доказательства.

Уже после того, как Абель был арестован и увезен из отеля «Латам», сотрудники ФБР вернулись в его номер и обнаружили там дополнительно ряд предметов, кото-

¹ Все официальные документы по делу Абеля цитируются по указанной выше книге Д. Донована.

рые теперь фигурировали в обвинительном акте. Некоторые вещественные доказательства были изъяты в квартире-студии Абеля на верхнем этаже дома № 252 по Фултон-стрит во время обыска, произведенного также в отсутствие Абеля и без понятых.

Кто поручится, что весь этот «шпионский реквизит» не был подброшен Абелю сотрудниками ФБР? И тем не менее прокурор, а затем и суд принимают все это в качестве «судебных доказательств».

Резолютивная часть акта, построенная на столь сомнительных доказательствах и беспочвенных утверждениях, состояла из трех пунктов. Абелю вменялось в вину:

1. Заговор с целью передачи Советской России атомной и военной информации.
2. Заговор с целью сбора такой информации.
3. Заговор с целью пребывания на территории Соединенных Штатов Америки в качестве агента иностранной державы без регистрации в государственном департаменте.

Пункт первый грозил Абелю вынесением смертного приговора, второй предусматривал максимальное наказание в десять лет и третий — пять лет тюремного заключения. И, хотя по пунктам первому и второму никаких конкретных доказательств не было, обвинение все же было предъявлено.

Суд назначил Абелю адвоката. Это был Джеймс Бритт Донован, сорокалетний преуспевающий бизнесмен, совладелец адвокатской фирмы, связанной с крупными страховыми компаниями. Во время второй мировой войны, еще совсем молодым, Джеймс Донован являлся главным юрисконсультom Управления стратегических служб — первой в истории США крупной центральной разведывательной организации, предшественницы нынешнего Центрального разведывательного управления (ЦРУ). А на Нюрнбергском процессе над немецкими военными преступниками Донован выступал в качестве помощника главного обвинителя от США.

Первые впечатления об Абеле, записанные Донованом в своем дневнике, звучали довольно сухо. Они сводились к тому, что это заурядного вида человек, похожий на школьного учителя. Однако уже тогда он обратил внимание на «безукоризненный английский язык с

акцентом, характерным для англичанина из высших классов, прожившего несколько лет в Бруклине». Но чем больше Донован знакомился с Абелем, тем большим уважением проникался к своему подзащитному.

И вскоре в дневнике появляются новые записи:

«Он свободно говорил по-английски и прекрасно ориентировался в американских идеоматических выражениях... Знал еще пять языков, имел специальность инженера-электроника, был знаком с химией и ядерной физикой, был музыкантом и художником, математиком и криптографом».

И далее: «Рудольф — интеллигентный человек и джентльмен, обладающий чувством юмора. В обществе друг друга мы чувствовали себя все лучше, и я находил его интересной личностью. Как человека его просто нельзя было не любить».

Абель знал о прошлой работе Донована в Управлении стратегических служб, и это определило их отношения. С одной стороны, для успеха защиты от Абеля требовалась искренность со своим адвокатом, но нельзя было забывать и об осторожности, чтобы как-нибудь не повредить интересам Родины. «Искренность в соединении с осторожностью была необходима, — пишет Донован, — и мы оба были и искренни и вместе с тем осторожны».

— Скажите, Рудольф, какая ваша настоящая фамилия? — однажды, как бы между прочим, спросил Донован.

— Это вам необходимо знать для защиты? — подумав, сказал Абель.

— Нет.

— Тогда давайте поговорим о чем-либо имеющем большее отношение к делу.

В другой раз Донован спросил Абеля о его прошлом и о его национальности.

— Настоящий грузин, — посмеиваясь, ответил Абель. И с явным удовольствием добавил, что евреи часто принимают его за еврея, немцы — за немца, а поляки — за поляка.

«Не было нужды упоминать о том, что в Бруклине его считали бруклинцем», — заметил Донован.

Абель все время был на страже (привычка, выработанная за тридцать лет работы в разведке). Донован по-

нимал это и не обижался, если получал щелчок за нескромные вопросы.

Критически осмотрев внешний вид Абеля, Донован решил, что ему нужна новая одежда. Он записал размеры и спросил:

— Какой костюм вы хотели бы?

— Предоставляю это на ваше усмотрение, — ответил Абель и затем, улыбаясь, добавил:

— Может быть, мне следует выглядеть, словно я юрист с Уолл-стрит? Пожалуй, купите мне серый фланелевый костюм с жилетом.

Донован удивился. Он и в самом деле полагал, что костюм должен быть примерно таким. Но затем Донован передумал и приобрел для Абеля темно-серый костюм и строгий галстук в полоску. Теперь Абель выглядел банковским чиновником «из отдела мелких ссуд».

Познакомившись со своим подзащитным и обсудив с ним, пока, конечно, в общих чертах, линию поведения защиты, Донован и его помощники, молодые юристы Арнольд Фреймен и Томас Дебейс, засели за изучение обвинительного акта и материалов предварительного расследования. Они пришли к выводу, что арест Абеля и всех его вещей в отеле «Латам», безусловно, произведен в нарушение конституции США. А если это так, то никакие вещественные доказательства, изъятые там или в студии Абеля на Фултон-стрит, не могут фигурировать в уголовном процессе. Обвинение против Абеля, построенное на «опороченных доказательствах», должно было, по их мнению, рухнуть.

Была нарушена Четвертая поправка к конституции США, провозглашавшая охрану личности, жилища, бумаг и имущества граждан от необоснованных обысков и арестов, а смысл ее нарушения сводился к тому, что Абель был арестован без ордера на арест, оформленного в предусмотренном законом порядке, ордера же на обыск и изъятие имущества вообще не было. Эти факты, как пишет Донован, «служат классическим примером того положения, с которым должна была покончить Четвертая поправка к нашей конституции».

Правда, Абелью был предъявлен ордер на арест, выписанный службой иммиграции, но такой ордер, относящийся только к делам о нарушении правил въезда и проживания в стране иностранцев, является внутренним,

ведомственным административным документом; на лиц, обвиняемых в других уголовных преступлениях, он не распространяется и для уголовного суда не действителен.

Вот на этом нарушении закона защита и решила построить свою тактику.

ПОДГОТОВКА ПРОЦЕССА

Большое жури¹ подтвердило обвинительный акт, и теперь дело Абеля перешло в «надежные» руки судьи Байерса, восьмидесятилетнего, высокого и не по годам проворного старика. Того самого старого мракобеса Байерса, который в свое время «прославился» предложением ставить клеймо на руку всем иностранцам, постоянно проживающим в США и отказавшимся принять американское гражданство. Байерс считал, что эта мера облегчит властям наблюдение за иностранцами и не потребует больших затрат. По свидетельству Донована, Байерс вообще был известен как человек «ультраконсервативных взглядов». Секретарь суда сказал о нем: «Этот без колебаний подпишет смертный приговор».

Те, от кого это зависело, знали, кого назначить судьей по делу «Правительство США против Абеля».

16 сентября 1957 г. суд рассматривал вопрос о дате слушания дела. Защита ходатайствовала о предоставлении ей месячного срока для подготовки к процессу.

— Адвокаты всегда просят дополнительное время, — резко ответил Байерс, — и назначил слушание дела через десять дней, на 26 сентября. Такая спешка, как выяснилось впоследствии, объяснялась тем, что основной свидетель обвинения Хейханнен сильно пил и пытался отказаться от своего обещания давать показания против Абеля. А без его показаний обвинению было бы совсем трудно (если не невозможно) доказать состав преступлений, инкриминируемых Абелю.

Для поведения Абеля во время подготовки к процессу характерен следующий эпизод.

В заключительной части документа об обстоятельствах обыска и ареста, подготовленного защитой, говори-

¹ Большое жури — судебная коллегия, решающая вопрос о предании суду.

лось: «Если свободный мир не будет верен собственному моральному кодексу, не останется такого общества, которого стали бы жаждать другие люди».

По этому поводу между Абелем и Донованом произошел спор.

— Это звучит слишком эмоционально, — сказал Абель. И добавил:

— Мне кажется, столь эмоциональный призыв не может иметь существенного значения в юридическом деле подобного рода.

— Рудольф, — возразил Донован, — вам повезло: вы не занимаетесь юридической практикой в Соединенных Штатах. Если вы думаете, что, исходя из таких идей, можно эффективно вести дело в суде, вам никогда не удастся заработать и доллара.

«Ему это показалось весьма забавным», — замечает Донован.

Но Донован просто не понял того, что Абель намеревался снять этот абзац из политических соображений, так как не хотел, чтобы его дело служило поводом для пропагандистских лозунгов о так называемом «свободном мире». Помня, что он имеет дело с буржуазным адвокатом, Абель не мог говорить с ним об этом прямо, а попытался применить юридическую аргументацию.

Между прочим, дальнейший ход дела показал, что Донован лучше Абеля оценивал значение «эмоциональных» факторов в американском судопроизводстве. Присяжные, как мы увидим, вынесли свой вердикт скорее на основании чисто эмоциональных впечатлений, чем на основе юридических доказательств. Абель же в этом споре был, несомненно, прав в том отношении, что американским судьям, как оказалось, было решительно наплевать и на «свободный мир», и на «собственный моральный кодекс», когда дело шло о расправе с советским разведчиком, попавшим в их руки.

В тот же день прокурор Томпкинс сказал Доновану, что в министерстве юстиции существует «расхождение во взглядах» на меру наказания Абелю, которую должно потребовать обвинение. «Одни считают, что интересы правительства больше выиграют, если Абель будет приговорен к пожизненному тюремному заключению: в этом случае остается надежда на то, что в один прекрасный день он заговорит. Другие глубоко убеждены, что

обвинение должно просить смертной казни — не только в устрашение других советских разведчиков, но также в расчете на то, что Абель может не устоять, испытывая сильное нервное напряжение, поскольку перед глазами у него будет электрический стул, и начнет говорить».

Разговор с Томпкинсом обеспокоил Донована. Не то чтобы ему стало очень жаль Абеля, хотя, судя по его отзывам о нем, вероятно, было и это, но казнь Абеля, по мнению Донована, не соответствовала интересам США и означала полный провал защиты. А это уже непосредственно затрагивало и интересы самого Донована, его престиж выдающегося юриста и адвоката.

Донован посоветовал Томпкинсу, чтобы министерство юстиции, прежде чем решать вопрос о том, какую меру наказания рекомендовать суду, проконсультировалось с государственным департаментом и Центральным разведывательным управлением.

Во время подготовки к процессу и в ходе его Абель содержался в федеральной тюрьме на Уэст-стрит.

Своим мужеством он быстро завоевал расположение заключенных. Несмотря на то что он содержался в одиночке, ему все же удалось получать от них советы юридического характера. Заключенные передали Абелю точные выдержки из дел, которые могли бы послужить прецедентом по его делу, и изъявили готовность бесплатно обеспечить ему консультацию «тюремного юриста».

Между тем подготовка процесса шла полным ходом.

20 сентября защита получила список свидетелей обвинения. Из 69 человек, значащихся в списке, 32 были сотрудниками федерального бюро расследований.

Конечно, за шесть дней, оставшихся до начала процесса, было невозможно подробно ознакомиться со всеми свидетелями, но разрешения на встречу и предварительную беседу с Хейханненом защита все же добилась. Однако ничего существенного эта встреча не дала. В комнате, где адвокаты встретились с Хейханненом, было полно сотрудников ФБР, не сводивших с него глаз. Ответы были заранее тщательно отрепетированы. Испуганно поглядывая на окружавших его сотрудников ФБР, Хейханнен на все вопросы адвокатов отвечал как заученный урок: «До суда я с вами разговаривать не буду» или «Почему бы вам не задать этот вопрос

Марку¹. Он знает обо мне все». У Хейханнена тряслись руки, и весь вид его был крайне жалок.

Глядя на него, Донован вспоминал предателей, которых ему приходилось видеть, работая в разведке во время войны. Пьянство, душевное расстройство и самоубийства были частыми явлениями среди них. Видимо, и Хейханнен познавал сейчас, что жизнь предателя становится адом.

Несмотря на первоначальное решение судьи, начало процесса, с согласия прокурора, было перенесено на 3 октября.

Зал суда был переполнен. К дверям тянулась длинная очередь любопытных. Не в меру усердные охранники обыскивали посетителей, словно ожидали, что здесь будет не суд, а сражение.

Суд начал свою работу с рассмотрения ходатайства защиты о приобщении к делу материалов встречного иска Абеля об изъятии из дела всех вещественных доказательств из принадлежащего ему имущества, на которое был наложен арест.

Поскольку арест на имущество был наложен в Манхэттене, то и иск первоначально был предъявлен также в суде Южного округа Нью-Йорка (напомним, что уголовное дело Абеля находилось в производстве суда Восточного округа).

Это был гражданский иск, который, по замыслу защиты, должен был рассматриваться независимо от уголовного дела. В основе иска лежал все тот же вопрос о нарушении установленных законом правил обыска и ареста. Доказать такое нарушение, казалось бы, не составляло труда, и защита надеялась, выиграв этот иск, избежать и уголовного процесса над Абедем.

Однако, как и следовало ожидать, этот скорее наивный, чем хитрый, «ход» провалился. Американская юстиция вовсе не собиралась выпускать Абеля из своих лап. Суд Южного округа (судья Сильвестр Дж. Райен) признал правильным ходатайство защиты о том, чтобы вопрос о наложении ареста на имущество Абеля рассматривался в порядке гражданского иска, отдельно от уголовного дела. Но, «принимая во внимание все обстоятельства», Райен отклонил ходатайство о рассмотрении

¹ Под этим именем Хейханнен знал Абея.

этого иска в Южном округе, разрешив возбудить его вновь в суде Восточного округа. Но времени на это уже не было. И защите теперь ничего не оставалось, как просить судью Байерса приобщить к уголовному делу все документы по этому иску.

Доказывая незаконность ареста и обыска у Абеля, защита указывала, что Федеральному бюро расследований с самого начала было известно, кто такой Абель, и что служба иммиграции своими действиями просто прикрывала ФБР. Абель содержался в иммиграционном лагере все то время, пока ФБР пыталось склонить его к «сотрудничеству» с американской контрразведкой. Если бы эта попытка удалась, то не было бы и никакого процесса.

Донован не видел в этом никакого нарушения закона и считал, что такие действия вполне соответствовали «национальным интересам США» и входили в компетенцию контрразведки. Но поскольку вербовка сорвалась, то и завершать дело следовало административным путем (например, выдворить Абеля из США как нежелательного иностранца), а не оформлять задним числом в уголовном порядке.

— Перед министерством юстиции, — говорил Donovan, — 21 июня стояла альтернатива: арестовать ли Абеля как уголовного преступника и предать суду или как иностранца, нарушившего правила въезда и проживания в США. Избрав последний вариант, оно лишило себя права на привлечение его к уголовной ответственности, ибо доказательства, изъятые при обыске, не были оформлены в законном порядке.

Суд посвятил рассмотрению этого вопроса три дня.

«Наша величайшая трудность, — пишет Donovan, — бесспорно, состояла в том, что речь шла не об обычном гражданине, арестованном у себя дома. Дело касалось полковника Рудольфа Ивановича Абеля. И все же правовой вопрос был абсолютно одинаковым — по конституции Абель обладал точно такими же правами, что и я».

Но судья Байерс наглядно доказал, что рассуждения Donovanа о равенстве всех перед законом — в условиях США просто анахронизм или святая наивность. Он охарактеризовал весь спор об аресте и обыске как «мало-существенный» и сказал, что может «разделаться с ним

очень быстро». И разделался. Несмотря на то, что допрошенные судом свидетели — сотрудники ФБР и службы иммиграции полностью подтвердили обстоятельства ареста и обыска, Байерс отклонил ходатайство защиты, мотивируя свое решение тем, что министерство юстиции «обязано соблюдать прежде всего интересы Соединенных Штатов» и что он не видит серьезных причин, почему два государственных учреждения Соединенных Штатов не могли бы сотрудничать в подобном деле.

Вынося такое решение, Байерс, во-первых, противопоставил американский закон «интересам США», во-вторых, ловко увильнул от решения вопроса по существу — законно или незаконно были добыты доказательства против Абея. Ведь защита вовсе и не думала возражать против сотрудничества двух государственных учреждений, но утверждала только одно, что это сотрудничество должно проходить в рамках закона.

Решение судьи, по мнению Донована, было по крайней мере «простым и ясным», хотя защита и считала его неправильным с точки зрения существующих законов. Покончив с ходатайством защиты, судья Байерс приступил к подбору присяжных заседателей.

Тщетно было бы искать среди вызванных в суд кандидатов в присяжные заседатели хотя бы одного рабочего или прогрессивно настроенного интеллигента. Все это были вполне «благонамеренные» с точки зрения буржуазного правосудия люди: крупные и мелкие бизнесмены, клерки, целиком зависящие от своих хозяев, благочестивые домохозяйки.

Несмотря на отвод, заявленный защитой, судья Байерс оставил в числе присяжных женщину, невестка которой работала в ФБР, служащего военно-морского флота и некую Катрин Мактаг¹, муж которой работал врачом на военно-морской базе. Оставление их в числе присяжных было очень нежелательно, так как Абель обвинялся в шпионаже против вооруженных сил и военно-морского флота США.

На следующий день суд закончил отбор присяжных и судья Байерс, отложив слушание дела Абея до

¹ Впоследствии обвинению стало известно, что один из сотрудников ФБР дружит с дочерью Мактаг, и чтобы не создавать повода для апелляции, она все же была отведена.

14 октября, распустил их по домам. Судья предупредил присяжных о том, чтобы они ни с кем не разговаривали о деле, даже с членами своей семьи. Он выразил также надежду, что присяжные будут избегать чтения всяких комментариев по делу, которые будут появляться в печати. Эти слова Байерса были, конечно, чистым фарисейством. Формально он пошел навстречу ходатайству защиты о перенесении срока слушания дела на это число. Но защита категорически протестовала против преждевременного назначения присяжных. Действия судьи Байерса противоречили всей судебной практике, которая придерживалась правила, что присяжные после своего назначения должны сразу же включаться в процесс. Всякому понятно, что соблюдение этого правила является немаловажным условием их объективности при вынесении решения по делу.

В деле Абеля сроки назначения присяжных и фактического их включения в судебный процесс имели особенно существенное значение. Обвинение информировало прессу о каждом своем шаге. Во всех журналах печатались подробные отчеты и фотографии, изображающие «доказательства» вины советского разведчика, которыми располагали власти. Вся пресса, радио, телевидение кричали о деле Абеля. Таким образом, еще не началось слушание дела, а все средства буржуазной пропаганды, формирующие общественное мнение, уже вынесли свой вердикт — «виновен».

В течение десяти дней присяжные подвергались непрерывному «промыванию мозгов» и давлению не только буржуазной пропагандистской машины, но и со стороны своих родственников и знакомых.

Чтобы лучше себе представить политическую атмосферу, сложившуюся вокруг дела Абеля, приведем некоторые факты, свидетельствующие о том давлении и моральной травле, которым подвергался Донован.

Донован пишет, что к нему «последовали дурацкие письма и телефонные звонки. Авторы писем в основном горячо осуждали меня и лишь в двух-трех письмах были угрозы на тот случай, если я «зайду слишком далеко», защищая русского шпиона...

По телефону звонили и всякие подлые личности. В большинстве случаев звонки раздавались среди ночи, когда мы все спали... Однажды телефон зазвонил около

четырёх часов утра, и, прежде чем мне удалось очнуться от сна и сообразить повесить трубку, я услышал необычайно «изысканный» набор нецензурных слов. Мне посоветовали убраться в Россию».

Донован вынужден был просить телефонную компанию на время процесса перевести его телефон на номер, не указанный в справочнике.

Многие юридические фирмы отказывали Доновану в его просьбе выделить ему в помощь юриста, заявляя, что «не уверены в том, что клиенты нашей фирмы пожелают, чтобы она оказалась связанной с защитой по этому делу». Даже один из партнеров его собственной фирмы угрожал Доновану выйти из дела. А телефонная компания отказалась установить телефон в помещении, где работали Донован и его помощники. Насмешки и язвительные замечания приходилось выслушивать также жене и детям Донована.

Все это делалось в отношении адвоката, взявшегося защищать Абеля не по собственной инициативе, а по назначению суда. И все это знали.

Что же в этих условиях могло остаться от «объективности» присяжных к началу слушания дела?

Донован посоветовал Абелю, чтобы облегчить свою участь, признать себя виновным по второму пункту обвинения (до 10 лет лишения свободы). Тогда, говорил Абелю Донован, можно будет надеяться, что суд сохранит ему жизнь по первому пункту обвинения, единственному, по которому грозила смертная казнь.

Абель не принял этого совета. Не веря в гуманность американского правосудия, он напомнил Доновану о суровом приговоре, вынесенном Дэвиду Грингласу после того, как тот признал себя виновным и оговорил Юлиуса и Этель Розенбергов. Розенберги были, как известно, казнены на электрическом стуле, а Гринглас влачит теперь в тюрьме жалкое существование: другие арестанты плюют ему в пищу.

Такова участь трусов и предателей, а Абель не был ни тем, ни другим.

— Не могу понять, как человек ради спасения собственной шкуры может предать свою страну и обесчестить свою семью, — говорил Абель своему адвокату по поводу попыток ФБР склонить его к «сотрудничеству». Он заявил, что ни при каких обстоятельствах не

сделает во имя своего спасения ничего такого, что может нанести ущерб СССР.

— Я не хочу, — говорил Доновану Абель, — чтобы и вы делали что-нибудь такое, что может умалить достоинство человека, честно служащего великой стране.

«Вот это парень, — подумал я», — такую запись сделал Донован в своем дневнике, вернувшись из тюрьмы после свидания с Абелем. Вот с таким парнем предстояло иметь дело американской Фемиде.

СУД

14 октября 1957 г. на здании федерального суда Восточного округа Нью-Йорка висела афиша, гласящая о том, что здесь слушается дело № 45094 «Соединенные Штаты Америки против Рудольфа Ивановича Абеля».

Председательствующий: Мортимер У. Байерс, федеральный окружной судья.

Стороны:

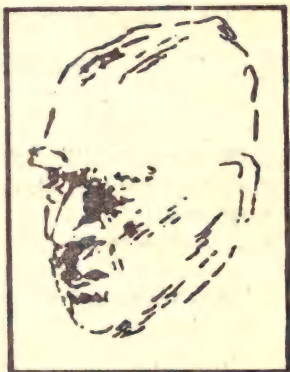
Обвинение: Уильям Ф. Томпкинс, помощник генерального прокурора, Вашингтон;
Корнелиус У. Уикерсхэм, федеральный прокурор Восточного округа Нью-Йорка;
Кевин Т. Мароней, Энтони Р. Палермо, Джеймс Т. Фезерстоун — прокуроры министерства юстиции.

Защита: Джеймс Б. Донован, Бруклин, Нью-Йорк.
Помощники: Арнольд Г. Фреймен, Нью-Йорк; Томас М. Дебевойс II, Вудсток, штат Вермонт.

Итак, поддерживать обвинение против Абеля Соединенные Штаты Америки направили пять своих прокуроров.

Они явились во всеоружии. «В течение четырех месяцев министерство юстиции тщательно готовилось к суду над Абелем. Это дело для министерства сейчас было наиболее важным из всех уголовных дел. Каждый потенциальный свидетель много раз допрашивался, опрашивался и подвергался перекрестному допросу следова-

телями, выявлявшими сильные и слабые места в том, что он может показать. Эксперты анализировали каждый документ. Была досконально продумана тактика, которой следовало бы придерживаться на суде. Соответствующие планы составлялись и заменялись лучшими; как по существу дела, так и по процедурным вопросам разрабатывались юридические меморандумы», — так описывает Донован подготовку обвинения к процессу. Он констатировал, что защита, конечно, не имела возможности так же хорошо подготовиться к слушанию дела. «Для такого подбора материалов по некоторым правовым вопросам, какие захотела бы провести любая почтенная адвокатская фирма, у нас не было времени», — уныло констатировал Донован. К тому же ходатайства защиты о предъявлении документов судья Байерс либо полностью отклонял, либо разрешал предъявлять только в самом минимальном числе.

Судья Байерс

При таких неблагоприятных условиях начался процесс.

В зале чувствовалось напряжение. У дверей и внутри зала находились судебные исполнители, размещенные так, чтобы наблюдать за публикой. Среди публики сидела делегация работников ФБР. У дверей толпились зрители, оставшиеся без места.

Ввели Абея. Он занял свое место позади защиты и осмотрелся: на возвышении в большом кожаном кресле с высокой спинкой восседал Байерс — человек, в руках которого находилась теперь его жизнь. Справа от судьи на вращающихся стульях с подлокотниками и круглыми спинками сидели присяжные. Слева, напротив присяжных, были места представителей прессы. Они были заполнены до отказа. Помимо корреспондентов нью-йоркских газет, радио и телевидения здесь были и иностранные журналисты.

Все окна с правой стороны зала были раскрыты. Их наполовину закрывали выцветшие желтовато-коричневые занавеси. Доносилось урчание и шипение автобусов. Здесь была их конечная остановка.

После выполнения необходимых процессуальных формальностей слово для вступительной речи получил прокурор Томпкинс. Это был сорокачетырехлетний мужчина, худощавый и темноволосый. Он был известен тем, что добился вынесения более ста обвинительных приговоров по делам, в которых принимало участие руководимое им Управление внутренней безопасности министерства юстиции США.

Чисто выбритый и бодрый Абель, в новом костюме, купленном специально для процесса, внимательно слушал прокурора. Лицо его было бесстрастно, поза спокойная. Лишь иногда он делал какие-то пометки в своем блокноте. Своей внешностью Абель обычно походил на скромного школьного учителя, но сейчас Доновану показалось, что он видит перед собой банкира, присутствующего на деловом совещании.

Окна напоминающего крепость старинного, с готическими башнями здания федерального суда Восточного округа выходили на дом № 252 по Фултон-стрит, где до своего ареста жил и работал Абель. Его скромная художественная студия хорошо служила ему, так как находилась в бедном районе Бруклин-Хайтс, где много лет художники, писатели и поэты вели тихую, замкнутую жизнь.

Обвинение отмечало, что советский разведчик поступил «исключительно дерзко». Он устроился как раз напротив штаб-квартиры всех органов, обеспечивающих соблюдение законности в Бруклине и Лонг-Айленде. По соседству находился и местный полицейский участок.

Сейчас можно, конечно, спорить: правильно или неправильно поступил Абель, выбрав себе такое соседство. Но факт остается фактом — четыре года он благополучно и спокойно работал под сенью бруклинской полиции и «всех органов, обеспечивающих соблюдение законности» в этом округе. Все окружающие видели в нем только скромного художника Эмиля Голдфуса и не подозревали, что на самом деле он совсем не тот, за кого себя выдает.

Донован считал студию «прекрасным прикрытием» для Абея, а обвинение громко именovalo ее оперативной «штаб-квартирой» Абея. Поэтому-то и судили его в Бруклине, по местонахождению этого «штаба», а не в Манхэттене, где он был арестован.

Между тем Томпкинс продолжал свою вступительную речь. Сорок минут он говорил об особом значении дела («если учесть, что все это происходило в критический период нашей истории») и излагал содержание обвинительного акта, обещая подтвердить его прямыми и косвенными доказательствами.

«Мы докажем, — восклицал Томпкинс, — что подсудимый — полковник службы безопасности Советского государства — совместно с другими высокопоставленными русскими чиновниками привел в действие чрезвычайно сложный аппарат советской разведки, пытаясь добыть наши наиболее важные секреты — секреты величайшей важности как для нашей страны, так и для свободного мира в целом».

Увы! Как мы увидим из материалов судебного следствия, Томпкинс так и не доказал этого, хотя и добился осуждения Абея. Но осудить и доказать — не всегда одно и то же.

Понимая, очевидно, слабость позиции главного свидетеля обвинения Хейханнена, Томпкинс попытался заранее повлиять на оценку присяжными его показаний.

«Основываясь на обычной практике, — говорил он, — я уверенно могу вам сказать, что защита будет оспаривать показания этого свидетеля. И все же, как мне кажется, вам нужно помнить следующее: этот соучастник отказался от участия в заговоре. Он покончил со старыми грехами и говорит правду».

Чтобы компенсировать слабость своей аргументации, прокурор напирал на вещественные доказательства, найденные при обыске у Абея. Он не гнушался и такими юридически сомнительными доказательствами, как «перехваченная» ФБР радиограмма, отправленная якобы из Москвы Абею, уже после его ареста. Однако не было никаких доказательств того, что она предназначалась именно Абею. Более того, условия связи, по которым была принята «перехваченная» радиограмма, не совпадали с теми, какие имел Абель (другие позывные),

Было пущено в ход и письмо, написанное якобы Абелем Хейханнелу, «найденное» в Проспект-парке в замурованном тайнике, который был указан ФБР этим провокатором. Вызванный в суд эксперт показал, что письмо это напечатано на пишущей машинке, принадлежавшей Абелю.

Томпкинс назвал его «одним из самых веских доказательств по делу».

Но вот беда: письмо было «найденно» много времени спустя после ареста Абеля, когда его пишущая машинка находилась в полном распоряжении ФБР. На ней можно было написать любое письмо и замуровать его в любом месте. Можно поверить эксперту, что оно было исполнено на машинке, принадлежавшей Абелю, но никаких доказательств, что оно было исполнено самим Абелем и предназначалось действительно Хейханнелу, представлено не было.

В числе вещественных доказательств фигурировала и карта, действительно изъятая у Абеля при аресте. На ней имелись пометки, которые обвинение трактовало как «районы обороны США». На самом же деле это была обыкновенная туристская карта, не имеющая никакого военного значения. Абель просто отмечал на ней места, где он бывал, и понятия не имел, что в каких-то из этих пунктов есть военные объекты.

И уж совсем никакого отношения к Абелю не имела пустотелая монета, найденная мальчишкой-газетчиком четыре года назад. Кстати сказать, суд потратил на нее довольно много времени.

Для любого юриста шаткость подобного рода «доказательств» совершенно ясна, но на неискушенных присяжных они производят сильное впечатление. Недаром один из них заявил после процесса: «Здесь было представлено очень много доказательств, и материалы ФБР выглядели внушительно».

Томпкинс, опытный юрист, несомненно, знал и понимал силу воздействия на присяжных представленных обвинением вещественных доказательств. Он утверждал, что «убежден в том, что обвинение доказало правильность своей позиции не только вне разумных необходимых сомнений, но и вообще вне всяких сомнений».

Забегая немного вперед, скажем, что защита не раз протестовала против использования подобного рода до-

казательств, но судья Байерс всегда отклонял эти протесты, заявляя, что «присяжные скажут, имеет ли этот материал какое-то значение в качестве доказательства».

В своей двадцатиминутной вступительной речи защитник Абеля Donovan (на ее подготовку он затратил десять часов) стремился внушить присяжным, что при вынесении ими вердикта они не должны руководствоваться своим отношением к СССР или к коммунизму, а только ответить на вопрос — доказана ли бесспорно виновность Абеля в совершении конкретных, предъявленных ему «преступлений»¹.

Донован говорил, что дело Абеля не только экстраординарно, оно уникально. Впервые в американской жизни иностранному разведчику, работающему на государство, с которым США формально находится в мире, угрожает смертная казнь.

Донован просил присяжных помнить о том, что главный козырь обвинения — свидетель Хейханнен — сам совершил те же деяния, что и подсудимый, однако пока еще ни за одно из них не привлечен к уголовной ответственности. Ему так же, как и Абелю, грозит смертная казнь, и единственная его надежда на снисхождение заключается в том, чтобы придать как можно больше важности той информации, какую он, по его словам, хочет передать правительству США.

Он призвал присяжных постоянно помнить, что от того, как они будут выполнять свои обязанности, может зависеть жизнь человека.

Абель заранее отказался от показаний.

По американским законам показания подсудимого приравниваются к показаниям свидетеля, а свидетель обязан отвечать на любые поставленные ему сторонами вопросы. Совершенно понятно, что, согласись Абель давать показания в суде, он поставил бы себя в крайне невыгодное положение.

На покрытое ковром возвышение — место для свидетелей — поднялся Хейханнен. Его допрос продолжался несколько дней, из которых по крайней мере два дня ушло на изучение его собственной биографии.

¹ Термин «преступление» применительно к Абелю употребляется, естественно, только с точки зрения американского законодательства и американских юристов.

Обвинение постаралось выудить из Хейханнена все, что тот только мог сказать.

Прокурор Томпкинс все время задавал наводящие вопросы. Защита неоднократно протестовала, но безрезультатно. Судья Байерс заявил, что не видит в наводящих вопросах прокурора ничего «вредного», так как они «экономят время».

Рассказывая подробнейшим образом о технике разведывательной работы и о различных фактах, подтверждающих принадлежность Абея к советской разведывательной службе, Хейханнен, однако, не смог сказать ничего конкретного ни о *передаче* СССР атомной и военной информации, ни о *сборе* такой информации. Тут «его утверждения были расплывчаты и не подкреплялись твердо установленными данными — датами, указанием времени, точного местонахождения и конкретных лиц», — пишет Донован. Так, например, на один из вопросов Донована с просьбой уточнить время события Хейханнен ответил, что это было весной, «так как шел дождь», но тут же признал — «это могло быть и осенью», ибо осенью «тоже идет дождь».

Таким образом, показания Хейханнена подтверждали только пункт третий обвинительного акта (пребывание на территории США в качестве агента иностранной державы без регистрации), грозивший максимально пятью годами тюремного заключения.

С большим трудом Томпкинсу с помощью Байерса все же удалось выудить из этого свидетеля, что по поручению Абея он пытался собирать информацию «относительно национальной безопасности США», т. е. «военную информацию или секретную информацию об атомном оружии». Это была заученная формула закона — ничего более конкретного Хейханнен не сказал, да и не мог сказать.

Так обстояло дело с главным свидетелем обвинения. Остальные многочисленные свидетели и подавно ничего не могли сказать конкретного о разведывательной работе Абея. В лучшем случае они подтверждали отдельные факты и вещественные доказательства, говорящие опять-таки о принадлежности Абея к советской разведке, но не более. Свидетели, лично знавшие Абея, неизменно давали о нем самые положительные отзывы.

Вот на месте свидетелей появился Силвермен, художник, проживавший по соседству с Абелем на Фултон-стрит.

Судья Байерс: Обсуждали ли вы когда-либо его (Абеля. — А. Т.) репутацию с другими людьми?

Силвермен: Да, совершенно определенно.

Судья Байерс: В отношении его правдивости?

Силвермен: Да. Она была безупречна.

Судья Байерс (повторяет): Безупречна?

Силвермен: Да.

Донован: Не слышали ли вы когда-либо что-нибудь плохое о подсудимом?

Силвермен: Нет.

Судья Байерс: И эти разговоры относились к человеку по имени Голдфус?

Силвермен: Да.

Известный интерес для понимания последующей позиции обвинения и приговора суда представлял только свидетель Роудс. Мы уже упоминали о том, что Хейханнен показал, что Абель поручил ему разыскать Роудса. А у Роудса был брат, который якобы работал инженером на атомном заводе где-то в штате Джорджия. Вот если бы удалось разыскать Роудса, да еще если бы удалось при помощи Роудса привлечь его брата к сотрудничеству с советской разведкой, получился бы атомный шпионаж. Вот за это-то обстоятельство и ухватилось обвинение.

Однако, как мы уже знаем, Хейханнен Роудса не разыскал, и потому все эти многочисленные «если бы» просто повисли в воздухе.

Вот как выглядит краткая выдержка из стенографической записи допроса Роудса Донованом:

Донован спросил Роудса, указывая на Абеля, видел ли он когда-либо прежде этого человека. Роудс ответил твердо: «Нет, сэр». Такое же твердое и категорическое «нет» последовало и на вопросы о Хейханнене и других лицах, указанных в обвинительном акте.

— Был ли какой-нибудь представитель Советской России связан лично с вами в Соединенных Штатах?

— Нет, насколько я знаю, нет, сэр.

— Передавали ли вы кому-нибудь из русских, находящихся в Соединенных Штатах, сведения о национальной обороне США?

— Нет, сэр.

— Получали ли вы в Соединенных Штатах когда-либо сведения подобного характера для кого-либо из русских?

— Нет, сэр.

Донован (обращаясь к судье): Ваша честь, я осмеливаюсь возобновить мою просьбу о том, чтобы исключить все показания этого человека.

Судья Байерс: Решение остается в силе¹.

Ясные и категоричные ответы Роудса не оставляли сомнений в том, что к делу Абеля он никакого отношения не имеет. И тем не менее, как мы увидим дальше, прокурор именно на Роудсе строил свои доказательства виновности Абеля в наиболее серьезных из предъявленных ему обвинений.

Абель от последнего слова отказался. К чему оно? Просить снисхождения он не собирался, каяться было не в чем, а остальное сказала защита.

После десятидневного разбирательства, 24 октября 1957 г., начались прения сторон.

Первым с заключительной речью выступил защитник. Для нас, советских граждан, это покажется необычным, но таковы правила американской судебной процедуры.

При подготовке своего выступления Донован использовал заметки, составленные Абелем в ходе процесса. «Через все заметки Абеля, — писал Донован, — проходила мысль о том, что в ходе процесса суду не были представлены какие-либо доказательства, подтверждающие факт получения и передачи информации военного значения. Все это существует лишь в виде неподтвержденного предположения, а не доказательств».

Абель высмеивал позицию обвинения, видевшего в Роудсе ценного потенциального агента. Он сказал, что подобное утверждение носит гипотетический характер «и в равной мере может относиться к любому человеку, например к начальнику ФБР Гуверу или даже с еще большим основанием к министру обороны».

¹ Ранее Донован ходатайствовал уже об исключении из дела показаний Роудса, как не имеющих никакого отношения к Абелю, но получил отказ.

Доказательств, как мы видели, действительно не было. Поэтому Донован, который теперь встал со своего места и подошел поближе к присяжным, с этого и начал свою речь.

Много раз Донован взывал к «здравому смыслу» присяжных.

— Прежде всего, — говорил он, — какие выдвигались обвинения?

Первое обвинение сводится, говоря коротко, к обвинению в заговоре с целью передачи информации по вопросам национальной обороны и атомной энергии.

Вот я и задаю вам вопрос и буду задавать его вновь и вновь по мере рассмотрения дела: какие доказательства были представлены вам по этому пункту?

— Когда мы с вами приступили к рассмотрению дела, — продолжал адвокат, — мы, безусловно, ожидали доказательств, свидетельствующих о том, что этот человек завладел большими военными секретами, атомными секретами.

Я спрашиваю вас, вспомнив то, что здесь происходило последние две недели, какие доказательства, говорящие о похищении подобной информации, были представлены вам?..

В дополнение к тому, что уже было сказано о Хейханнене во вступительном слове защиты, Донован отметил, что это лжец, получающий за свою ложь плату от правительства США. Донован подкрепил свое утверждение ссылкой на противоречивые заявления Хейханнена. Так, в своем заявлении Федеральному бюро расследований в июне 1957 года Хейханнен утверждал: «Я не занимался шпионажем и не получал от кого-либо каких-либо шпионских или секретных сведений», а на суде, отвечая на заданные обвинением вопросы, Хейханнен показал, что в его задачу входило «помочь Марку (Абелю. — А. Т.) в шпионской деятельности» и что он пытался добывать «информацию, затрагивающую национальную безопасность США» (где, когда, какую — неизвестно).

Показания Роудса и о Роудсе в своей речи Донован отметил как не имеющие отношения к обвиняемому.

Взывая к совести и к чувству справедливости присяжных, Донован просил, когда они будут слушать прокурора, заключение судьи, а затем обсуждать свое

решение, все время задавать себе один главный вопрос: где же информация, касающаяся национальной обороны Соединенных Штатов Америки? Защита выражала уверенность, что по пунктам первому и второму обвинительного акта присяжные вынесут вердикт — не виновен.

Прокурор Томпкинс начал свою речь с предупреждения присяжных о том, что их дело только определить виновность или невиновность подсудимого, вопрос же о мере наказания целиком относится к компетенции судьи. Это напоминание было сделано, по-видимому, для успокоения совести присяжных, так как Донован все время напоминал им, что от их вердикта может зависеть жизнь Абея.

Нет необходимости излагать всю речь прокурора, продолжавшуюся около часа. Он поддерживал все пункты обвинения. Очевидный барьер, который представлял для обвинения факт отсутствия конкретных доказательств, свидетельствующих о сборе и передаче секретных сведений, Томпкинс преодолел ссылкой на то, что «действия участников заговора не обязательно должны быть успешными» и что «мы не должны сидеть сложа руки и допускать, чтобы какое-либо лицо получало наши секреты... Мы можем не допустить того, чтобы преступление свершилось».

В этом плане у него сыграл свою роль и свидетель Роудс. Что из того, что Хейханнен его не нашел! Но ведь мог найти (многочисленные «если бы, да кабы», сопровождающие это предположение, прокурора не смущали).

— В моей заключительной речи вам, — обращаясь к присяжным, говорил Томпкинс, — часто придется слышать такие слова, как «неоспоримое» и «неопровержимое»; это объясняется тем, что мне не известен ни один существенный факт из тех, что были представлены вам обвинением для рассмотрения, который кто-то оспаривал или пытался оспаривать.

Тут прокурор допустил явную передержку. Как можно было говорить так, когда защита оспаривала и вещественные доказательства, добытые незаконным путем, и показания Хейханнена и отвергала вообще показания Роудса.

Чтобы воздействовать на присяжных, обвинение вновь пустило в ход свой главный козырь — веществен-

ные доказательства. Потрясая пустотелой батареей для электрофонаря, Томпкинс патетически восклицал: «Это не игрушка для развлечения. Леди и джентльмены, это орудие разрушения, орудие уничтожения нашей страны. Такова цель этого заговора».

В завершение Томпкинс сказал, что преступление Абеля «связано с угрозой для цивилизации, угрозой для нашей страны и для всего свободного мира». (Вот какие грозные обвинения подсовывались присяжным взамен отсутствующих конкретных доказательств.) Повторив свое утверждение о праве «общества и правительства» на самозащиту, он потребовал признания Абеля виновным по всем пунктам предъявленного ему обвинения и самого строгого наказания.

Наступило утро 25 октября. Настала очередь судьи Байерса выступить перед присяжными со своим напутствием.

В этот день Донован пометил в своем дневнике о том, что неумолимый и повелительный Мортимер Байерс «царил» в зале судебного заседания. «Байерс задавал тон на процессе. Все ориентировались на него, и присяжные почтительно взирали на него».

Итак, Байерс поднялся, чтобы в последний раз задать тон присяжным.

Вначале надо было показать «объективность».

— Наличие одного лишь сговора, — заявил Байерс, — не влечет за собой уголовной ответственности, поскольку люди, вступившие в заговор с целью нарушения закона, могут одуматься. Они могут передумать; они могут отказаться от своего первоначального плана. Поэтому закон требует при привлечении к ответственности за заговор, чтобы было доказано не только наличие заговора, но также совершение одного или нескольких действий одним или несколькими участниками заговора, направленных на реализацию их плана или заговора, т. е. действий, относящихся к «явным актам».

Но Байерс вовсе не собирался содействовать оправданию Абеля. И постепенно в своем напутствии он все более и более подводит присяжных к тому, чтобы они не принимали в расчет никаких обстоятельств, которые могли бы смягчить участь обвиняемого. Байерс — «старый волк», он уже несколько десятилетий провел

в кресле судьи Восточного округа и делает свое дело довольно тонко.

Прежде всего он напомнил присяжным, что совсем не обязательно доказывать все «явные акты». Доказаны должны быть один или, может быть, несколько, а не все входящие в план, не вся сумма «явных актов». Тот факт, что цель преступления не достигнута, не имеет никакого значения для определения того, имело место преступление или оно не было совершено.

Далее, пытаясь приуменьшить то положительное впечатление, которое произвел на всех присутствующих Абель, Байерс призвал присяжных «не поддаваться эмоциям — предубеждениям и симпатиям».

В этих же целях Байерс поставил под сомнение подлинность зачитанных на суде писем к Абелю от его жены и дочери, хотя даже прокурор их не оспаривал.

Байерс вынужден был признать, что относительно существования самого заговора, его участников, целей, задач и объектов суд располагает только единственным доказательством — показаниями Хейханнена. Он один из участников заговора, но согласно американской системе правосудия показания соучастника «вполне приемлемы».

Затем судья сделал краткий обзор других доказательств и разъяснил присяжным их обязанности.

Присяжные удалились на совещание.

На протяжении всего процесса мозг и руки Абеля постоянно работали. Он делал заметки, чтобы потом обсудить их со своим защитником. Или делал зарисовки. Он нарисовал присяжных, судью Байерса, обвинителя Томпкинса и судебных служащих.

Репортеры писали, что он ведет себя как наблюдатель, не заинтересованный в исходе процесса. Это, конечно, была большая ошибка.

«Только железная самодисциплина позволила ему сидеть молча и спокойно, не показывая ни единого признака того, что он переживал физическую (болезнь желудка. — А. Т.) и эмоциональную пытку», — писал Donovan, лучше других знавший своего подзащитного.

Абеля окружили репортеры.

— Мистер Абель, чтобы вы хотели сказать по поводу вашего процесса?

— Я хочу воспользоваться этой возможностью для того, чтобы выразить признательность моим адвокатам, назначенным судом, за то, как они провели защиту. Я хочу поблагодарить их за ту колоссальную работу, которую они проделали для меня, и за проявленные ими при этом умение и способности.

Корреспонденты умчались передавать в свои редакции заявление Абеля. Теперь он остался наедине со своими мыслями. Время тянулось мучительно медленно. Абель умел ждать. Сама профессия учит разведчика

Прокурор Томпкинс и присяжные

выдержке и терпению. Приходится ждать, когда к тебе придет, наконец, долгожданный курьер из центра, ждать необходимых инструкций, ждать благоприятной обстановки для выполнения полученного задания, ждать... Эх! Да мало ли чего еще приходится ждать. Но это, если так можно выразиться, «рабочее ожидание» ни в какое сравнение не может идти с ожиданием собственного приговора; особенно приговора, который может оказаться и смертным.

Три с половиной часа продолжалась эта пытка. Наконец появились присяжные и их старшина Даблин объявил вердикт.

Отбросив эмоции и вопреки совести, к которой тщетно "!" взывал защитник, присяжные вынесли вердикт — виновен.

По просьбе защиты присяжные были опрошены каждый в отдельности. И еще двенадцать раз в зале суда прозвучало «виновен».

Абель сидел все время абсолютно спокойно. Ни один мускул его лица не дрогнул, когда он слушал эти бесконечные, звучащие как эхо — виновен, виновен...

Защита выступила с предложением отклонить вердикт, как противоречащий доказательствам. Судья отверг это предложение и назначил срок объявления приговора — 15 ноября.

— Вопрос о приговоре по этому делу не порождает никаких трудностей, если говорить об обвиняемом как о личности...

...Возникает лишь вопрос, как поступить с обвиняемым, чтобы приговор в максимальной степени соответствовал интересам Соединенных Штатов Америки в настоящее время и в пределах обозримого будущего, — так мотивировал Байерс свое решение.

Еще двадцать долгих, томительных дней ожидания. Даже для Абеля это было много.

Отпуская присяжных, судья сказал, что если бы он был одним из них, то вынес бы такой же вердикт. Байерс не считал теперь нужным хотя бы внешне показывать свою беспристрастность. Ничего хорошего для Абеля это не предвещало.

За день до вынесения приговора Донован направил Байерсу письмо с обоснованием целесообразности в интересах США сохранить жизнь Абелю. Предварительно он обсуждал эти вопросы в Вашингтоне с представителями «заинтересованных» органов и ведомств, включая министерство юстиции.

Письмо перед вынесением приговора было зачитано на судебном заседании для включения его в протокол.

Вновь и вновь Донован повторял об отсутствии доказательств, свидетельствующих о том, что обвиняемый занимался сбором и передачей информации, касающейся национальной обороны США. В письме также указывалось на необходимость учитывать при вынесении приговора деятельность граждан США за границей, возможность ареста американца «соответствующего ранга» в СССР и возникновения необходимости обмена заключенными. Но самым существенным был, пожалуй, пункт четвертый, в котором выражалась надежда, что при сохранении жизни Абелю остается возможность «в результате появления различных новых обстоятельств» добиться от него «сотрудничества» с правительством США. Донован подчеркивал, что национальные интересы США требуют, чтобы Абель оставался «в нашем распоряжении в пределах разумного периода времени».

Надо думать, что если защита консультировалась относительно приговора с «заинтересованными» органами и ведомствами, то этим же в течение двадцати дней занимались и обвинение, и судья Байерс.

Во всяком случае прокурор вновь потребовал сурового приговора, но в этой формулировке смертная казнь не была названа, а судья Байерс приговорил Абеля к тридцати годам тюремного заключения.

Абелю было в то время 55 лет и тридцать лет фактически означало пожизненное заключение. Именно этот срок Байерс считал наиболее «разумным» для склонения Абеля к измене Родине.

Когда после вынесения приговора Донован спустился в подвал здания суда и пришел в камеру, где находился Абель, между ними произошел следующий диалог:

— Если ваша апелляционная жалоба будет удовлетворена и приговор отменят, что произойдет тогда со мной? — спросил Абель.

— Рудольф, — ответил Донован, — если мои труды окажутся успешными и вас освободят, возможно, мне придется самому застрелить вас. Не забывайте, я все еще имею звание командера¹ военно-морской разведки.

Абель затянулся сигаретой, выпустил дым и сказал спокойно:

— Знаете, я думаю, вы так бы и сделали.

Так они «шутили» после приговора.

Но шутки шутками, а Донован и всерьез не забывал, что он не только адвокат, но и разведчик. У нас нет данных, выполнял ли Донован чье-либо задание или действовал самостоятельно, так сказать, из чисто «профессионального интереса», но, начиная с первой встречи со своим подзащитным, он не упускал подходящего случая, чтобы не посоветовать Абелю согласиться на «сотрудничество с правительством США» (сиречь с его контрразведкой). Он сам пишет об этом, стараясь всюду подчеркнуть, что, защищая Абеля, все время продолжал печься о национальных интересах США.

Надеясь сделать Абеля более сговорчивым, Донован как-то сказал ему:

¹ Командер — примерно соответствует воинскому званию капитана 3-го ранга.

— По-моему, Рудольф, Россия списала вас со счетов как разведчика и вы предоставлены самому себе.

— Я не согласен с вами, — резко возразил Абель, — меня не «списали», и мне неприятно, что вы так говорите.

Донован пишет, что по этому вопросу между ними всегда происходили серьезные разногласия.

Расчет Донована, вероятно, строился на предположении, что там, где не добились успеха сотрудники ФБР, которых Абель ненавидит и презирает, может с лучшими результатами выступить адвокат, пользующийся расположением и признательностью своего подзащитного.

Но и адвокат, как только он начинал выступать в роли разведчика, наталкивался на тот же спокойный и твердый отрицательный ответ, что и сотрудники ФБР. Желая положить конец разговорам на эту тему, Абель сказал Доновану: «Я принял решение еще в те первые полчаса в гостинице «Латам» и никогда не отступлю от него».

...Обсудив вопросы, вытекающие из приговора, Донован распрощался со своим подзащитным. Дома Донован поспешил открыть свой дневник и записать все перипетии этого кульминационного дня процесса. Запись заканчивалась словами: «Для человека, готовящегося отбывать тридцатилетний срок заключения в иностранной тюрьме, полковник Абель обладал *поражающим* спокойствием».

Однако то, что так поразило Донована, для Абеля было просто нормой поведения. Сын рабочего-большевика, ученика и соратника Ленина по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», сам прошедший хорошую школу в рядах Красной Армии и Ленинского комсомола, коммунист и старый чекист, Абель и представить себе не мог, что можно говорить и поступать как-то по-иному. Ему не надо было вспоминать о таких понятиях, как достоинство и честь советского гражданина и коммуниста: они были у него в крови.

После процесса Донован часто встречался со своим подзащитным. «Я нашел в нём увлекательного, будущего мысль собеседника, особенно благодаря интеллектуальной честности, с которой он подходил к любому вопросу», — пишет Донован. И добавляет, что, хотя они

много разговаривали относительно дела, «Рудольф все меньше напоминал клиента или человека, осужденного судом».

Однажды Донован сообщил Абелю, что «американская общественность вполне довольна исходом процесса и успокоена вынесенным суровым приговором».

— Мне очень приятно узнать, — сказал не без сарказма Абель, — что я дал американской «общественности» возможность испытать подобное чувство удовлетворения.

АПЕЛЛЯЦИЯ. ТЮРЬМА В АТЛАНТЕ

Донован сообщил Абелю, что подача апелляционной жалобы связана с риском. Если дело будет передано на новое рассмотрение и присяжные вторично признают его виновным, то судья, пожалуй, может приговорить его к смерти.

— Я рискну, — сказал Абель.

Это был ответ бойца, который не складывает оружия, пока есть хоть малейшая возможность дальнейшей борьбы.

На подготовку апелляционной жалобы ушло три месяца. Только 15 февраля 1958 г. она, наконец, была подана в апелляционный суд Второго округа Нью-Йорка.

Основной упор в апелляционной жалобе делался на нарушение конституционных прав Абеля при обыске и аресте. Кроме того, отмечались допущенные судом процессуальные нарушения, такие, например, как наводящие вопросы свидетелям, отклонение судом почти всех протестов и ходатайств защиты и т. п.

На сей раз американская Фемида явно не торопилась. Состояние свидетелей ее больше не беспокоило. Они не нужны в апелляционном суде. Прошло еще два месяца, пока защитник Абеля получил возможность изложить сущность жалобы перед судом, еще три долгих месяца на подготовку решения, и только 11 июля 1958 г. апелляционный суд в составе главного судьи Кларка и выездных судей Ломбарда и Уотермена единодушно подтвердил приговор суда первой инстанции.

Относительно обыска и ареста апелляционный суд отметил в своем решении, что не видит оснований проводить различие между законным арестом за совершенное

преступление и процедурой депортации. О процессуальных нарушениях было сказано, что, хотя судья и допускал иногда ошибки, они не носят «столь серьезного характера», чтобы потребовалось новое рассмотрение дела. А утверждение защиты, что «обвинение не сумело доказать, что передача военных секретов действительно имела место», судьи отвергли, отталкиваясь от противного, сославшись на то, что «люди, собирающие и передающие информацию, доступную всем, не считают необходимым использовать тайные коды и пустотелые вещи».

Опять решение суда строилось на умозаключениях и предположениях. То обстоятельство, что таинственные военные секреты и атомные сведения, которые, по мнению обвинения и суда, Абель должен был куда-то передавать, так и остались невыясненными и в процессе «справедливой» судебной процедуры ничем не были подтверждены, судей не беспокоило. «Должен» — и точка.

Абель совершенно справедливо писал об этом решении: «Решение апелляционного суда, хотя и многословное, фактически не затрагивает вопроса, который мы подняли в апелляции. Некоторые аргументы, выдвинутые судом, противоречат друг другу, а другие искажают выдвинутые нами аргументы. Я по-прежнему полагаю, что суд не столько дал ответ на важнейшие вопросы, сколько обошел их».

Пятимесячная волокита с рассмотрением апелляционной жалобы Абеля имела свой скрытый смысл. Дело в том, что по американским законам пребывание в следственной тюрьме на Уэст-стрит, где после суда оставался Абель, не засчитывается в срок отбывания наказания, назначенного судом. А перевод в исправительную тюрьму в Атланте затруднял сношения Абеля с его адвокатом и вызывал другие осложнения, связанные с рассмотрением его апелляционной жалобы. Все это означало дополнительную трепку нервов, что вполне отвечало стремлению американских властей сделать Абеля более податливым и «сговорчивым».

Другой формой нажима на Абеля была волокита с разрешением ему переписки с семьей. Он очень тяжело переживал отсутствие возможности вести переписку с женой и дочерью и называл этот запрет варварским.

Тут в Доноване снова заговорил разведчик. Он предложил переговорить по этому вопросу с директором

Центрального разведывательного управления США Алленом Даллесом и его генеральным юрисконсультom Ларри Хаустоном. Абель не возражал.

— Сегодня очень подходящий день, чтобы вести разговор о том, как освободить вас. Сегодня у нас отмечается годовщина со дня рождения Линкольна. Этот день является официальным праздником в честь нашего великого освободителя, — сказал Донован.

— Если он ваш великий освободитель, — немедленно отпарировал Абель, — почему же этот день не отмечается на Юге?

В вопросах идеологии и политики осужденный на тридцать лет лишения свободы узник никому спуска не давал, в том числе и своему адвокату. Таких примеров Донован в своей книге приводит много.

Вскоре после этого разговора состоялась встреча Донована с Алленом Даллесом и Ларри Хаустоном. Они были знакомы еще по совместной работе в Управлении стратегических служб и сейчас разговаривали как старые товарищи.

— Я бы хотел, — сказал Даллес, — чтобы мы имели таких трех-четыре человек, как Абель, в Москве.

Он не видел причин, почему бы Абелю не разрешить переписку с семьей. Что касается возможности обмена, то Аллен заявил, что по этому вопросу он должен проконсультироваться в госдепартаменте.

Старые приятели договорились, что вся переписка с советским посольством, через которое должны были направляться письма Абеля семье, будет проходить под контролем министерства юстиции и ЦРУ, куда Донован будет направлять копии всех писем.

Дальше, пожалуй, будет лучше предоставить слово самому Доновану. Вот как он описывает недостойную игру, затеянную министерством юстиции и госдепартаментом вокруг вопроса о разрешении Абелю переписки со своей семьей:

«В течение последующих трех месяцев шла активная переписка между советским посольством в Вашингтоне и моей конторой в доме 161 по Вильям-стрит, а правительство Соединенных Штатов Америки наблюдало, как мы играли в кошки-мышки в связи с вопросом предоставления Рудольфу права переписки. Если бы это было частным делом, его можно было бы решить за несколько

минут. Но это были переговоры двух противостоящих друг другу мировых держав, между которыми существовали крайне холодные отношения. Поэтому лишь в июле 1958 года Рудольф сумел написать своей жене, а в сентябре его письмо получило «санкцию» и только в декабре Елена Абель получила от мужа письмо — первое за полтора года, прошедшие с момента его ареста».

Вот так простой акт человеческой гуманности американская юстиция ухитрилась поднять на высоту международных отношений.

В конце мая 1958 года Абель, убедившись, что судебной волоките по его апелляции не видно конца, известил Управление тюрем о своем желании начать отбывать срок наказания, определенный ему судом. Вскоре он был переведен в федеральную исправительную тюрьму в Атланте.

Тюрьма эта — гордость американской пенитенциарной системы — навсегда врезалась в память Абеля. И портик, от которого расходятся два крыла здания. И широкая лестница, по которой его вели из машины к входу. И двое железных ворот, управляемых автоматически. И массивные каменные стены...

Донован называл тюрьму в Атланте «унылой, голой каменной крепостью» и писал, что «если заключенный никогда раньше не бывал в тюрьме, то прежде всего сама форма здания внушала ему страх».

Вероятно, и Рудольф Иванович Абель, вступая в ее пределы, тоже испытывал такое чувство. Ему предстояло провести здесь тридцать лет!

Регистрация, осмотр, баня. И вот Абель уже в тюремной одежде шагает в карантин. Он теперь заключенный № 80016. В карантине тюремщики будут его изучать и обучать тюремным порядкам. Потом ему дадут постоянное место в этом огромном каменном мешке, где, несмотря ни на что, все же живут, работают, тоскуют и развлекаются, дружат и ссорятся, болеют и умирают тысячи узников.

Заключенные приняли его в свою среду, но администрация тюрьмы все время боялась, что какой-нибудь уголовник, стремясь заработать дешевую репутацию героя-антикоммуниста, может попытаться убить его.

Сам Абель старался не думать о таких вещах. В свободное от работы время он с увлечением решал матема-

тические задачи. Впрочем, это было не просто развлечением с целью как-то убить время и отвлечься от суровой действительности. Математикой Абель увлекался по-настоящему и продолжал всерьез заниматься даже в тюрьме. Он просил своего адвоката выслать ему в качестве

Тюрьма в Атланте. Двор для прогулок

рождественского подарка книги по теории квадратных форм или «Введение в теорию чисел» Леонарда Диксона.

В период подготовки апелляционной жалобы Donovan и Абель часто встречались в тюрьме: сначала на Уэст-стрит, а затем в Атланте.

Помимо вопросов, имевших непосредственное отношение к делу, они беседовали о многих других

вещах. Донован был единственным человеком в США, с кем Абелю разрешено было общаться, и когда адвокат появлялся в тюрьме, Рудольф набрасывался на него, как голодный на кусок хлеба. Да и Донован, как мы уже говорили, находил в Абеле интересного собеседника.

У них нашлись и общие интересы.

Донован рассказал Абелю, что он написал небольшое исследование по вопросу о разведке. Это исследование было составлено Донованом на основе опыта его работы в Управлении стратегических служб во время войны, а также его участия в разработке плана создания постоянной американской разведывательной сети для послевоенного периода.

Исследование не носило секретного характера; Донован пользовался им во время своих выступлений перед гражданской аудиторией, «ратуя», как он выразился, «за то, что познал под мудрым руководством покойного генерал-майора Уильяма Донована («Дикого Била») ¹, директора Управления стратегических служб».

Абель заинтересовался, и Донован принес ему один экземпляр своей лекции.

Неделю спустя Донован получил от Абеля письменные замечания. Наиболее серьезной критике подвергся раздел лекции, касающийся оценки информации.

«Вам как юристу, — писал Абель, — известно, насколько тяжело составить подлинное представление о событиях на основе свидетельств очевидцев этих событий. Насколько же труднее должна быть задача оценки политических событий, когда источниками информации являются люди, политические взгляды которых накладывают определенный отпечаток на то, что они говорят. Одна из опасностей в деле оценки информации заключается в том, что сами люди, занимающиеся этой оценкой, могут истолковать ее в соответствии с собственными взглядами и предубеждениями».

Говорилось это, конечно, применительно к общим задачам политической и стратегической разведки, но именно тогда, когда Абель писал эти строки, он на собственном опыте убеждался в их правильности. Стоило только взять американские газеты и посмотреть отчеты и статьи, посвященные его делу.

¹ Однофамилец Джеймса Донована, адвоката Абеля.

Немецкая разведка во время первой и второй мировых войн с помощью тенденциозной информации пыталась оказывать влияние на разработку политики. «Это одна из самых величайших ошибок, которую только может совершить разведывательная служба», — писал Абель.

Донован никак не комментирует эти, разумеется, сугубо личные замечания Абеля. Он просто приводит этот случай, чтобы показать наличие у них общих «профессиональных» интересов.

Но их общие интересы не сводились только к вопросам разведки.

Так как Донован заведовал Бруклинским музеем и являлся членом художественной комиссии Нью-Йорка, между ними часто возникали споры о современном искусстве. «Он показал себя как блестящий и вместе с тем едкий критик модернизма», — писал Донован. Кончились эти споры тем, что Абель написал в тюрьме и передал Доновану текст лекции «Искусство сегодня». Доновану лекция понравилась, и он обещал представить ее на рассмотрение художественной комиссии.

Искусство, так же как и математика, помогало Абелю переносить тяготы тюремного заключения. В тюрьме он решил пополнить свои теоретические знания и в этой области. Когда подошло еще одно рождество, он попросил Донована, которого избрал в качестве своего рождественского Санта Клауса, прислать ему четыре фунта молочного шоколада и четырехтомную «Социальную историю искусства».

Практичные американцы не преминули использовать художественные наклонности Абеля и его технические знания. Тюремная администрация помнила, что у нее в руках находится не только Абель — полковник советской разведывательной службы, но и его двойник Эмиль Голдфус — художник из Бруклина. И Рудольф Абель был назначен заведующим тюремной мастерской прикладного искусства. С присущей ему добросовестностью и увлеченностью Абель взялся за дело. Он быстро освоил новое для него шелкографическое производство. И не только освоил, но и разработал свой технологический процесс, значительно улучшающий качество шелкографических этюдов.

К рождеству Абель изготовил для заключенных свыше двух тысяч рождественских открыток семи разных видов, в том числе на испанском и еврейском языках. И был очень доволен тем, что его творчество понравилось. Открытки быстро разошлись.

В одно из своих посещений Донован получил разрешение осмотреть тюрьму. На фоне общего мрачного впечатления, которое на него произвела атлантская тюрьма,

Рождественская открытка,
изготовленная Р. И. Абелем в тюрьме
(Родное Подмоскowie)

мастерская прикладного искусства, где, как выразился Донован, «над всем царил полковник», ему понравилась. Там же была оборудована и небольшая личная «художественная студия» Абеля. В студии находилось несколько хороших картин, написанных маслом, и шелкографических этюдов, созданных с помощью нового «абелевского» технологического процесса.

Предоставление Абелю возможности заниматься творческим трудом, хотя бы и в тюремных условиях, можно расценить как «пряник» со стороны министерства юстиции. Но министерство не забывало и о «кнуте». 28 июля оно вновь запретило Абелю переписку с семьей под смехотворным предлогом, что будто бы в своих письмах он «сообщает информацию Советам».

Какую информацию мог передавать человек, находившийся в тюрьме уже более двух лет? И как он мог ее передавать, когда все его письма проходили тщательный двойной контроль — тюремного цензора и ФБР, да еще негласную третью проверку в ЦРУ!

Этот нелепый и жестокий запрет вызвал у Абеля такой приступ гнева, которого никто ранее у него не замечал. Он с сарказмом писал Доновану: «Стиль этого правительственного письма привел меня в полное восхищение. Это письмо-шедевр». Абель расценил эту меру как дополнительное наказание и новый нажим на него с целью сломить его волю и склонить к «сотрудничеству».

Абель просил Донована предпринять все, что можно, к отмене этой дискриминационной меры. Но Донован, получив предварительно официальное указание министерства юстиции, ответил: «По нашему закону переписка для вас является привилегией, а не правом. Я не представляю себе каких-либо практических мер, которые можно было бы предпринять в связи с этим вопросом».

Делать нечего. Но Абелю трудно было смириться с такой несправедливостью.

В своем обстоятельном ответном письме он обвинял американские власти в лицемерии. В частности, он писал: «Касаясь моей переписки, мне трудно быть объективным, поскольку, вполне естественно, мне больно потерять всякую связь со своей семьей. Я не могу не думать, что эта мера рассчитана как дополнительное наказание сверх того, что мне назначено судьей.

Как вы пишете, для заключенного переписка с семьей является привилегией. Тем не менее переписка поощряется администрацией, и это отмечено в тюремном Уставе».

Абель далее указывал, что заключенных обычно лишают переписки лишь в качестве меры наказания за нарушение тюремного режима, но к нему это не относится. Таким образом, ни практическими соображениями, ни юридически, ни в моральном отношении решение о лишении его права переписки не могло быть оправдано.

Донован назвал эти замечания «здравыми». Но все доводы Абеля остались гласом вопиющего в пустыне.

Да, по правде говоря, что мог сделать Donovan? Добиться отмены этого административного распоряжения через суд? Это было бы совершенно беспрецедентным и бесполезным занятием. Оно могло только повредить Абелю при предстоящем повторном рассмотрении его апелляции в Верховном суде.

Пришлось смириться. Но Рудольф Иванович еще долго страдал от этого нелепого запрета. Он не ответил на два письма Donovan, объяснив это впоследствии тем, что у него «пропал вкус к письмам».

Абель обладал несомненным даром быстро устанавливать контакт с людьми. Скажем, не так-то легко подчинить своему влиянию руководителя шайки гангстеров, человека с необузданным нравом, привыкшего повелевать другими. Абелю это удавалось.

Как-то у него в камере появился новый арестант. Это был Винсент Скуиллант, известный под кличкой «Джимми».

Скуиллант считался королем вымогателей и пользовался уважением среди бандитов, так как был крестником Альберта Анастасия, шефа «фирмы», занимавшейся организацией убийств, конечно, за приличную плату. Но однажды, в октябре 1957 года, Анастасия был застрелен в кресле у парикмахера, и после этого дела у «Джимми» пошли все хуже и хуже, и в конце концов он оказался в тюрьме.

Скуиллант был очень расстроен этим обстоятельством. Первое время он метался по камере как зверь в клетке. В конце концов это стало раздражать Абеля, так как мешало ему решать математические задачи.

Абель решил погасить эмоциональное возбуждение Скуилланта физическим утомлением. И Скуиллант принимает совет Абеля хорошенько почистить камеру, «чтобы сохранить свою физическую форму».

Когда надзиратель услышал о желании Скуилланта заняться чисткой камеры, то отнесся к этому скептически, но щетку и порошок для мойки все-таки дал. И с удивлением наблюдал, как «Джимми» ежедневно часами скреб стены и пол камеры.

Чтобы как-то компенсировать его усилия, Абель предложил Скуилланту научить его французскому языку. И без каких-либо учебных пособий они добились неплохих результатов.

Тюрьма в Атланте.
Заключенный на внутренней галерее

— Пожалуйста, Рудольф, — спросил Донован, — зачем такой обезьяне, как Скуиллант, французский язык?

Абель не спеша поправил свои очки и ответил:

— Откровенно говоря, господин Донован, я и сам не знаю. Но что я еще могу делать с этим парнем?

Некоторое время спустя Скуилланта перевели в другую тюрьму, а Абель сожалел, что успел пройти с ним только активные французские глаголы.

Так в непрерывном труде и в сопротивлении нажиму, которому он в различных формах постоянно подвергался, проходили у Абеля дни в атлантской тюрьме. Дни складывались в месяцы, месяцы в годы, а рассмотрение его дела все еще продолжалось. Теперь уже в Верховном суде, куда по требованию Абеля Донован направил жалобу на решение апелляционного суда.

В ВЕРХОВНОМ СУДЕ США

13 октября 1958 г. Верховный суд США согласился истребовать дело Абеля, но сводил свое вмешательство к рассмотрению двух конкретных вопросов, касающихся конституционных ограничений при производстве обысков и арестов:

1. Можно ли считать допустимым обыск без ордера, если он связан с арестом, осуществляемым на основе иммиграционного законодательства, а не уголовного?

2. Могут ли захваченные при обыске предметы быть приняты как вещественные доказательства, если они не связаны с арестом, произведенным на основе ордера или предписания, выданного иммиграционной службой?

Началась новая стадия составления записок и контр-записок, в которых защита и обвинение излагали Верховному суду свои позиции по этим вопросам.

25 февраля 1959 г. Верховный суд США приступил к слушанию дела Абеля. Председательствовал сам Уоррен, председатель Верховного суда. Кроме него в рассмотрении дела принимали участие члены Верховного суда: Блэк, Франкфуртер, Дуглас, Кларк, Харлан, Бреннан, Уиттэкер и Стюарт. Всего девять человек.

В качестве представителя обвинения выступал заместитель министра юстиции Соединенных Штатов Дж. Рэнкин,

Донован вновь повторил свои доводы о неправомерности использования судом вещественных доказательств, добытых в результате обыска, произведенного без законных оснований. «Осуждение этого человека за преступление, наказуемое смертной казнью, на основе доказательств, добытых подобным путем, — говорил, обращаясь к судьям, Донован, — следует просто сопоставить с незамысловатыми, но обязательными для нас предписаниями Четвертой поправки: «Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков или арестов не должно нарушаться...»

Защита особенно настаивала на принципиальном значении рассматриваемого судом вопроса, независимо от того, чье дело рассматривается в данный момент.

Обвинение также придерживалось своего старого тезиса, утверждая, что не следует проводить различия между арестами в целях депортации и арестами за совершенные преступления. А следовательно, заключал Рэнкин, «должны существовать какие-то (!?) полномочия производить обыск в связи с арестом, осуществляемым по ордеру иммиграционных властей».

Заместитель министра юстиции подчеркивал, что рассматриваемое дело связано с вопросами национальной обороны.

После выступления сторон суд принял апелляцию к рассмотрению.

23 марта (автор умышленно приводит даты, чтобы читателю легче было проследить всю невероятную, с точки зрения советского законодательства, волокиту, с которой столкнулся Абель в американском суде) Верховный суд вынес решение снова заслушать стороны по этому делу 12 октября (!?). Да, да. Это не описка и не опечатка; новое слушание сторон назначалось через семь месяцев!

Донован, склонный обычно к восхвалению американской судебной процедуры и весьма сдержанный, когда дело касается критики американского суда, и то не выдержал. Он назвал это решение «по меньшей мере весьма необычным», «удивительным» и даже «непостижимым».

Однако Абелю ничего не оставалось делать, как опять ждать.

Он решил уладить кое-какие свои личные дела и обратился к Доновану с просьбой отправить его вещи

семье. Осторожный Донован, чтобы обвинение в случае отмены приговора не могло заявить о том, что вместе с вещами уплыли за океан и какие-то вещественные доказательства, потребовал от Министерства юстиции тщательного предварительного осмотра вещей и официального разрешения на их отправку.

Сотрудники ФБР, «проявляя высокое искусство», как иронизирует Донован, с явным удовольствием «начали распарывать, разрывать, выдергивать, трясти, тянуть, раскалывать» вещи Абеля. Им «удалось обнаружить» в бумажнике Абеля маленький кусочек тонкой, как папиросная бумага, пленки с нанесенными на нее пятизначными цифрами.

Когда Абель узнал об этом, он вначале расстроился.

— Вы меня изрядно потрясли, — сказал он Доновану. И, подумав, добавил:

— Я не припоминаю, чтобы оставлял такую вещь в этом бумажнике. Все это мне кажется очень подозрительным; я хочу сказать, почему они через восемнадцать месяцев делают такое открытие?

В дело Абеля находка ничего нового не вносила, так как расшифровать найденный текст ФБР все равно не смогло. Но Абеля беспокоило одно — не сделано ли это для того, чтобы как-то скомпрометировать защиту перед Верховным судом?

И все же «находка» послужила поводом к новой волоките. Прошло семь месяцев, прежде чем министерство дало свое разрешение, и вещи были отправлены. Но в каком виде! И далеко не все. Так, например, по сообщению ФБР, гитара «пришла в состояние полной негодности в результате ее осмотра, преследовавшего цель обнаружения микроточек». Совершенно испорченным оказался и фотоаппарат.

Стоял жаркий май, когда Донован посетил Абеля в атлантской тюрьме, чтобы еще раз обсудить вопросы, связанные с новым слушанием дела.

Донован с удивлением отметил, что, несмотря на строгий режим, Абель каким-то образом получает информацию извне. Во всяком случае он посоветовал Доновану в порядке подготовки к новому сражению в Верховном суде посетить музей ФБР в здании министерства юстиции, где была организована выставка по его делу, а также ознакомиться с книгой директора ФБР

Эдгара Гувера «Мастера обмана», в которой тот признавал, что полковник Абель был арестован представителями иммиграционных властей «по требованию ФБР». Этот совет был принят и признание Гувера использовано в записке защиты, подготовленной к повторному слушанию дела в Верховном суде.

Повторное рассмотрение дела Абеля в Верховном суде было по просьбе обвинения еще раз перенесено и вместо 12 октября состоялось 9 ноября 1959 г.

Чтобы не повторяться, не будем заново излагать позиции защиты и обвинения. В своей основе они были прежними.

— Подтвердив этот приговор, суд даст возможность правительственным чиновникам игнорировать требование иметь ордер на обыск в любом уголовном деле, включая также и дела, связанные с депортацией, — повторил Донован.

Что касается обвинения, то следует отметить, что, отвечая на вопрос судьи Уиттэкера, заместитель министра юстиции вынужден был признать, что обыск был бы незаконным, если бы его подлинная цель состояла в получении доказательств разведывательной деятельности Абеля. Но обыск, по его словам, якобы «действительно преследовал цель получить материалы для обоснования дела о высылке» и, дескать, так уж получилось, что искали одно, а натолкнулись на другое, более серьезное.

Тут уж обвинение докатилось до прямой лжи и явной фальсификации фактов. Ведь и участвовавшие в обыске сотрудники ФБР, и сам их шеф Гувер подтвердили, что ФБР знало, к кому идет и зачем идет.

То же самое содержалось и в заявлении начальника Управления иммиграции генерал-лейтенанта Джозефа М. Суинга, опубликованном в газете «Геральд Трибюн». Он утверждал, что при аресте Абеля было хорошо известно, что он собой представляет. Суинг говорил также, что арест Абеля был произведен по просьбе контрразведки (ФБР), т. е. подтверждал как раз то, на чем и строила свою аргументацию защита.

К удивлению Донована, представители обвинения вдруг заявили, что некоторые аргументы, выдвинутые защитой, не высказывались судье Байерсу в ходе процесса и поэтому Верховный суд не должен их рассматривать.

Донован легко опроверг такую постановку вопроса, показав экземпляр первоначальной записки, представленный в окружной суд. Там приводились те же доводы.

«Обвинение прибегло к такому необычному приему, — писал Donovan Абелю, — поскольку явно находилось в отчаянии. Это, несомненно, была попытка предоставить возможность суду обойти поставленный защитой вопрос, поскольку суд, конечно, хотел подтвердить приговор, но ему крайне трудно отвергнуть нашу юридическую аргументацию».

Этот вывод Donovan вытекал из нового, совершенно необычного решения Верховного суда: «принять дело «к повторной консультации» (?!)».

Узнав об этом, Абель написал Donovanу: «Меня, естественно, интересует вопрос о том, когда Верховный суд огласит свое решение, но я стараюсь, чтобы это меня не слишком тревожило. Временами мне это удается, но бывают моменты, когда я беспокоюсь». Эти скупые строки дали повод Donovanу еще раз поразиться выдержке своего подзащитного.

И все-таки Верховный суд подтвердил приговор.

Для этого, правда, ему потребовалось еще почти пять месяцев. Так сказать, на размышление. Решение суда состоялось 28 марта 1960 г. и было принято большинством всего в один голос — *пятью* голосами против *четырех*.

Решение суда в сущности совпадало с мнением судьи Байерса и базировалось на том, что «считать незаконным при отсутствии какого-либо злого умысла или вероломства сотрудничество между Управлением иммиграции и натурализации и ФБР означало бы игнорировать все правомерные аспекты сотрудничества между двумя ведомствами одного и того же министерства юстиции, занимающимися внедрением различных аспектов законности под общим руководством генерал-прокурора».

И опять уход от прямого вопроса о незаконности обыска и ареста имущества. Ордера-то на обыск все-таки не было!

Поэтому-то и раскололись голоса членов Верховного суда. Для одних важно было во что бы то ни стало засудить Абеля, хотя бы и в обход закона, а для других точное соблюдение конституции представлялось более

важным, с точки зрения национальных интересов США, чем срок наказания для одного советского разведчика. Победила, как мы видим, первая точка зрения. Но несогласные с ней члены суда написали два особых мнения.

Первое отражало точку зрения всех четырех (в их число входил и председатель Верховного суда Эрл Уоррен), а второе, дополнительное, было написано членом суда Дугласом и поддержано Блэком.

Член суда Бреннан, автор первого особого мнения, так ответил на аргументацию большинства:

«Эта процедура ареста, о которой здесь шла речь, как день от ночи отличается от процедуры ареста за совершенные преступления. Когда к этому добавляется возможность производства всестороннего обыска без наличия ордера, тем самым мы сосредоточиваем в руках представителей исполнительных органов всю полноту власти над личностью и ее имуществом». Он отмечал далее, что такой «порядок» открывает путь для произвола и злоупотреблений и что он несовместим с требованиями Четвертой поправки к конституции США.

А член суда Дуглас в своем особом мнении высказался еще более категорично. Констатируя твердо установленный факт, что «движущей силой ареста и обыска были агенты ФБР», и что у ФБР «было достаточно времени, чтобы получить ордер на обыск», и что вместо этого они использовали административный ордер «в нарушение как закона об иммиграции и гражданстве, так и Билля о правах», частью которого является Четвертая поправка, он в заключение писал:

«Трагедия, связанная с нашим одобрением таких вот действий напрямую, заключается в том, что защита, предусмотренная Четвертой поправкой, устраняется из важной области нашей жизни...»

В особом мнении Дугласа есть и такие горькие слова: «Дела известных преступников, как и дела мелких правонарушителей, могут стать прецедентом для негодной судебной практики. Когда ощущение виновности обвиняемого доминирует над следствием, даже судьи иногда ослабляют свою бдительность и позволяют полиции идти напрямую, что не санкционировано конституцией... В известные периоды нашей истории и в известных судебных процессах такая практика вела к подрыву

наших норм законности. Вред, причиненный в данном деле, может казаться простительным. Но практика, порожденная таким прецедентом, может иметь далеко идущие последствия, безмерно вредные и пагубные. Ярким примером в этом смысле является решение данного суда».

На членов суда, голосовавших против одобрения приговора, обрушилась буржуазная пресса. Подавляющее большинство газет изображало их чуть ли не участниками какого-то заговора «красных», готовых из-за «простой формальности» отпустить на свободу «агента Кремля».

Донован в связи с этим вынужден был сказать: «Трудно понять, как взрослые американцы могут наклеить на Четвертую поправку ярлык «простой формальности».

Впрочем, что говорить о печати, когда такой взгляд на законность теперь был освящен решением Верховного суда Соединенных Штатов!

О решении Верховного суда Абель узнал в тот же день, 28 марта 1960 г., из радиопередачи. Он сразу написал своему адвокату о том, что с нетерпением ждет его мнения по поводу этого решения. Со своей стороны Абель считал, что, «учитывая характер голосования, можно ходатайствовать о пересмотре». В конце письма было несколько утешительных строк в адрес Донована: «Я понимаю, как вы огорчены результатом, но считаю, что имеются обстоятельства, которые смягчают этот удар».

— Непостижимый Рудольф! — воскликнул Донован, получив это письмо. После двух лет и девяти месяцев он только что проиграл свое дело и теперь выражал мне свое сочувствие.

Несколько дней спустя, при личном свидании с Донованом, Рудольф Иванович дал точную оценку решению Верховного суда. «Оно меня не удивило, — говорил он, — я не верил, что дело будет рассматриваться на основе закона. Я рассматриваю его как политическое решение».

20 апреля 1960 г. по настоянию Абеля Донован подал ходатайство в Верховный суд о новом слушании дела. Почти без всякой надежды на успех. Донован писал, что его ходатайство «служит интересам миллио-

нов людей, проживающих в Соединенных Штатах, на которых распространяются законы об иммиграции и натурализации, чьи личные свободы теперь сурово и несправедливо урезаны в результате решения, принятого по делу Абеля».

16 мая Верховный суд отказался удовлетворить это ходатайство. По судебному делу Абеля была поставлена последняя точка.

Так как к Абелю доступа не было, то корреспонденты атаковали его защитника.

«Незачем и говорить, — писал Донован, — что по вопросу о применении правовых норм я был согласен с членами суда, которые оказались в меньшинстве, хотя мне было понятно нежелание суда освободить обвиняемого. Тем не менее я отказался пойти на открытую критику решения Верховного суда, повторив, что Абель «был подвергнут должной законной процедуре».

Так окончилась «должная законная процедура», обернувшаяся на деле судебным произволом. Можно подвести краткие итоги.

Не говоря уже о Четвертой поправке к конституции США (оставим эту «формальность» на совести американского суда), налицо были и другие грубые нарушения закона по существу дела, позволяющие говорить о том, что над Абелем была учинена просто расправа как с политическим противником, едва прикрытая фиговым листком судебного разбирательства.

Остается фактом, что обвинение не смогло представить суду ни одного конкретного доказательства, говорящего о содержании секретных сведений, якобы собранных и переданных Абелем в СССР. Никто не мог сказать, от кого или откуда Абель получал такие сведения, где, когда и кому их передавал. Таким образом, фактически только за «пребывание на территории США в качестве агента иностранной державы без регистрации в государственном департаменте» вместо положенного по закону максимального наказания в пять лет лишения свободы Абель получил тридцать.

От электрического стула его спасло прежде всего собственное мужество: отказ давать показания о своей практической деятельности. Огромное значение имело и то обстоятельство, что американское «правосудие» все время вынуждено было считаться с тем, что в аналогич-

ном положении в СССР могут оказаться американские граждане.

Процесс окончился. Но не окончились попытки склонить Абеля к предательству. Наоборот, после решения Верховного суда они возобновились с новой силой.

К нему в тюрьму зачастили в «гости» сотрудники ФБР. Они прощупывали, не сделался ли он более сговорчивым после того, как убедился, что дело окончательно проиграно.

Вновь решил попытать счастье и Донован-разведчик.

Проконсультировавшись предварительно в «министерстве юстиции» (читай — ФБР) и, наверняка, в ЦРУ (не зря же он установил контакт по этому делу с Алленом Даллесом) и, по собственным его словам, «основательно подготовившись», Донован явился к Абелю, чтобы обсудить возможности сокращения срока наказания.

Абель выглядел осунувшимся, измученным. Одежда висела на нем. Тюрьма состарила Абеля, но он держался по-прежнему бодро. Прежде всего он поспешил заверить Донована, что совершенно здоров.

Донован заявил Абелю, что возможность сокращения срока наказания имеется, но «это можно сделать только в том случае, если суду будет известно, что вы действительно сотрудничаете с правительством». Все будет сохранено в тайне, — обещал Донован. «Я могу привести любое другое основание для подачи ходатайства на открытом заседании, но, согласно нашей практике, судья должен знать, что вы сотрудничаете. В ином случае первоначальный приговор не будет изменен».

— Об этом не может быть и речи. Никогда я этого не сделаю, — ответил Абель.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Родина не оставила Абеля в беде.

Морозным утром 10 февраля 1962 г. на мосту Глиникер-брюкке, что у озера Потсдам соединяет (и разделяет) столицу ГДР с Западным Берлином, был произведен

обмен Рудольфа Ивановича Абеля на осужденного в СССР американского шпиона Френсиса Пауэрса.

Но путь к свободе был для Рудольфа Ивановича долгим и по-своему драматичным...

7 мая 1960 г. Абель сидел в своей камере в тюрьме г. Люисберга (штат Пенсильвания), погружившись в свое излюбленное занятие: решал математические задачи. Вдруг его внимание привлек легкий шорох. В маленьком окошечке в двери торчала газета, свернутая в трубку.

Это был приятный сюрприз.

Абель оказался в Люисберге, направляясь по этапу в Атланту из Нью-Йорка, куда Рудольф Иванович временно был переведен в связи с рассмотрением его дела в Верховном суде.

Режим для этапников в Люисбергской тюрьме был установлен строгий. Уже более недели он не имел никаких сведений о том, что творится за стенами тюрьмы.

Абель быстро развернул газету и его внимание сразу привлек напечатанный огромными буквами заголовок: «Над Свердловском, СССР, сбит самолет У-2». Ниже, помельче, было напечатано: ...«Пауэрс, пилот, схвачен русскими. Ему грозит суд как шпиону».

Самолет Пауэрса был сбит 1 мая, но в США целую неделю никто не знал об аресте Френсиса Пауэрса. Конечно, ЦРУ и Пентагон доложили президенту о том, что разведывательный самолет, на котором он летел, пропал, не вернулся с задания. Но что с ним? Сбит или потерпел аварию, жив ли пилот и, если жив, то где он? На эти вопросы никто не мог ответить до тех пор, пока в Москве не была обнародована соответствующая информация.

Этим и объясняется, почему сообщение, которое сейчас с волнением читал и перечитывал Рудольф Иванович, появилось в американских газетах только 7 мая.

Абель в тот момент не мог еще знать, какую важную роль сыграет в его личной судьбе случай с Пауэрсом. Но все же арест советскими властями американского летчика-шпиона был одним из вариантов, предусмотренных в том письме к судье Байерсу, в котором Донован обосновывал необходимость в интересах США сохранить жизнь Абелю. Естественно, что Рудольф Иванович невольно подумал об этом. Но жизненный опыт и трезвый

рассудок подсказывал: не следует раньше времени предаваться надеждам, которые могут оказаться несбыточными.

Многое в создавшейся ситуации оставалось пока неизвестным. Каков будет результат суда над Пауэрсом? Проявит ли кто-либо инициативу в постановке вопроса об обмене его на Пауэрса? На каких условиях? Найдут ли для себя приемлемыми эти условия противная сторона? Благоприятно или неблагоприятно сложится политическая обстановка? Наконец, нужен ли Пауэрс правительству США?

Ничего этого Абель не знал и поэтому, возвратившись в федеральную тюрьму в Атланте, постарался окунуться поскорее в привычную уже работу в тюремной мастерской и свои обычные тюремные занятия, чтобы поменьше думать о вопросах, разрешение которых от него не зависело.

Однако в американской прессе сразу же вслед за сообщением о гибели У-2 имена Пауэрса и Абеля начали склоняться вместе.

11 мая президент Эйзенхауэр, после нескольких неуключих попыток изобразить У-2 как самолет метеорологического назначения, а нарушение им границ СССР как случайность («сбился с пути») вынужден был признать преднамеренный разведывательный характер этих полетов и взял на себя всю ответственность за них, но напомнил о деле Абеля.

Заявление президента было воспринято как сигнал.

Во всех газетах снова запестрели фотографии Абеля и заметки о нем. А в редакционной статье нью-йоркской газеты «Дейли Ньюс» содержалось прямое предложение обменять Абеля на Пауэрса.

Примерно в это же время Абель получил в атлантской тюрьме необычное письмо. Отец Френсиса Пауэрса — Оливер Пауэрс сообщал ему, что будет ходатайствовать перед своим правительством об освобождении Рудольфа Ивановича, если тот в свою очередь предпримет шаги к освобождению его сына.

Абель ответил коротко: правительство США запретило ему переписку с семьей, и потому он не может выполнить его просьбу. Абель передал эти письма Доновану и просил переслать их адвокату своей жены.

Донован представил копии этих писем в распоряжение ФБР и ЦРУ и, как он пишет, «по рекомендации правительства» передал телеграфным агентствам краткое сообщение о письмах Пауэрса и Абеля. Конечно, это делалось для того, чтобы довести таким неофициальным путем эту информацию до сведения Москвы и посмотреть, какая последует реакция.

Когда Абелю стало известно, как Донован распорядился его письмами, он направил ему записку с резким протестом. Абель не хотел, чтобы инициатива обмена исходила якобы от него.

24 июня 1960 г. Абель неожиданно получил радостную вест: министерство юстиции отменило свой запрет на его переписку с семьей (Донован пишет, что сделано это было с целью облегчить решение вопроса об обмене Абеля на Пауэрса).

Три недели спустя в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, начался судебный процесс по обвинению Френсиса Пауэрса в шпионаже в пользу США. В зале суда присутствовали родители Пауэрса — Оливер и Ида Пауэрс, его жена Барбара и прибывший из США их адвокат. Иностранные дипломаты и журналисты имели возможность своими ушами слышать подробные показания обвиняемого о его шпионской деятельности для ЦРУ и своими глазами видеть вещественные доказательства, подтверждающие эти показания. Все было оформлено надлежащим образом, в полном соответствии с советским уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, и виновность Пауэрса полностью доказана.

Пауэрсу грозила смертная казнь, но советский суд ограничился сравнительно мягким приговором. Он был осужден к 10 годам лишения свободы, причем только первые три года к тюремному заключению, а остальные 7 лет к содержанию в исправительно-трудовой колонии.

В американских газетах вокруг суда над Пауэрсом началась очередная антисоветская шумиха. Писалось об «отсутствии объективности» у советского суда, о «беспринципности» адвоката, о «бесправии» обвиняемого и т. д., и т. п. Абель писал по этому поводу Доновану:

«Я не могу понять, как может кто-либо назвать приговор Пауэрсу «очень суровым» по сравнению с тридцатью годами, которые получил я. Какими же словами

можно охарактеризовать мой приговор? Сомневаюсь, смог бы судья Байерс найти подходящие определения!

Иногда я задумываюсь над тем, какова была бы реакция здесь в конгрессе, в печати, по радио и по телевидению, если бы в Канзасе произошло что-либо вроде инцидента с У-2 и в роли злодея в этой пьесе оказался бы русский летчик?»

Однако Донован при первой же встрече с Абелем тоже допустил разные злопыхательские выпады в адрес советского суда (он повторил их позднее в своей книге). Тогда Абель вновь задал ему вопрос:

— Скажите, каким был бы приговор суда США в случае появления советского летчика над городом в центре США, в обстоятельствах, аналогичных полету Пауэрса?

Донован промолчал.

Несмотря на то что инициатива обмена исходила от американской стороны, дело тянулось страшно медленно. В Вашингтоне шли споры. Министерство юстиции и входившее в его систему Федеральное бюро расследований тянули и противились обмену в надежде на то, что Абелю надоеет сидеть в тюрьме и он расскажет им о своей деятельности в США. Руководители же Центрального разведывательного управления, по-видимому, хотели все же поскорее получить Пауэрса, чтобы знать подробности того, что же произошло 1 мая 1960 г. под Свердловском.

«Правительству требуется девять месяцев, чтобы сделать то, что вы, адвокаты, занимающиеся частной практикой, делаете за три недели», — так говорил Доновану один из его друзей, рекомендуя проявить терпение.

Учитывая перспективу обмена, американская контрразведка еще раз попыталась получить согласие Абеля на сотрудничество, прежде чем ей, возможно, пришлось бы его освободить. На этот раз Абеля шантажировали угрозой, что при его несогласии обмен может не состояться. Но, по свидетельству Донована, было непохоже, что полковник становится более сговорчивым. Он казался особенно воинственно настроенным.

Медленно шла через все цензурные инстанции переписка Абеля с семьей и переписка его семьи с Доно-

ваном. Чтобы ускорить дело, жена Абеля пыталась обращаться непосредственно к президенту, но из этого ничего не получилось.

Прошел еще год. Газеты постепенно перестали писать и об Абеле, и о Пауэрсе. Их страницы заняли новые события, новые сенсации. Только в федеральной тюрьме в Атланте все оставалось по-старому. Правда, сменился начальник тюрьмы Уилкинсон. Его назначили заместителем начальника Управления тюрем США, но на положении Абеля это никак не отразилось. Жизнь текла размеренно, строго, по раз навсегда установленному руслу.

Тем неожиданнее оказался для Рудольфа Ивановича вызов его к начальнику тюрьмы в конце декабря 1961 года, Абель к нему ни с какими просьбами не обращался и сейчас, сидя в приемной, пытался угадать, зачем он ему понадобился. О том, что произошло дальше, мы передаем в изложении самого Абеля:

«Наконец я вошел, и начальник вежливо предложил мне сесть. Он протянул мне конверт, в верхнем правом углу которого было написано: «Вскрыть в присутствии Абеля Р. И.». Я возвратил ему конверт, он его вскрыл и вынул второй; посмотрев на него, он передал его мне. На втором было написано: «После прочтения уничтожить». Я снова вернул конверт, и начальник вскрыл его. Он вынул сложенный лист бумаги, взглянул на него и передал мне.

Письмо было от Донована. Он писал, что собирается поехать в Восточный Берлин в качестве неофициального представителя правительства США для ведения переговоров об обмене, и просил меня написать письмо жене, объясняющее цель его поездки, с просьбой обеспечить ему соответствующий прием со стороны представителей советского посольства.

Я сказал начальнику, что напишу соответствующее письмо, и мы договорились, что в обеденный перерыв я ему передам свое послание. Это письмо было доставлено жене в рекордно короткое время — два-три дня против обычных тридцати дней. Вскоре я получил ответ, что жена предпринимает нужные меры.

Машина закрутилась!»¹

¹ «Неделя» № 15 за 1970 г.

Истинная цель поездки Донована в Европу хранилась в глубокой тайне. Для родных и знакомых он отправился в Лондон по делам своих клиентов — страховых компаний. По-видимому, существовали опасения, что в США найдутся силы, которые в последний момент могут сорвать или сильно осложнить осуществление решения президента Кеннеди об обмене.

Опасения же Донована о трудностях, с которыми он встретится в советском посольстве, оказались несостоятельными. Там все вопросы, связанные с обменом, он уладил в несколько дней.

И вот, наконец, наступил момент, которого Рудольфу Ивановичу Абелю пришлось ожидать почти пять лет.

— Абель, возьмите вещи. Идите вниз.

Надзиратель подождал, пока Абель собрал свой несложный тюремный багаж, и проводил его в комнату дежурного.

— Вам надо поехать в Нью-Йорк, — сказал начальник тюрьмы.

Абелю выдали костюм, отвели к парикмахеру. Папку с рисунками и математическими выкладками забрал заместитель начальника тюрьмы. Обещал прислать после просмотра.

Затем Абеля под усиленной охраной направили в Нью-Йорк, а оттуда на специальном военном самолете в Западный Берлин.

Ему не сказали о том, куда его везли. Самолет менял направление. И все же, когда Уилкинсон спросил Абеля, имеет ли он представление о цели полета, тот уверенно ответил: «На Европу» — и молча показал на окно. Уилкинсон понял, что Абель успел определить курс самолета по звездам.

В Берлине Абеля привезли в казармы оккупационных войск США и поместили на гауптвахту, откуда предварительно были удалены все арестованные. Гауптвахта помещалась в подвале здания. Там находились две железные клетки с койками. В одну из них и посадили Абеля, переодев в костюм, напоминающий пижаму. Принесли еду. Пища была дрянная, и Абель есть не стал.

Он лежал на койке и сквозь прутья клетки разглядывал двух стороживших его конвоиров.

— Чего они боятся?—подумал Абель. Было совершенно ясно, что дело шло к обмену. «Удирать» было ни к чему.

— Неужели они думают, что я попытаюсь покончить самоубийством! Дураки!

И с этой мыслью Рудольф Иванович уснул и спал довольно хорошо, так как очень утомился за время пути.

Рано утром пришел Донован и рассказал, что примерно через час произойдет обмен.

— Вы не боитесь возвращаться домой?—спросил Донован.

— Конечно, нет,—последовал быстрый ответ.

Вскоре Донован и Уилкинсон поехали вперед, к месту, назначенному для обмена.

Вслед за ними вывели и Абеля из его последней тюрьмы и усадили в машину. По бокам уселись два гиганта-конвоира, ростом более двух метров и весом килограммов по 130 с лишним. Кроме них в машине находился еще один человек из числа прилетевших вместе с Абелем из США.

Когда машина уже ехала по Берлину, он повторил вопрос, который уже ранее задавал в самолете.

— Вы не опасаетесь, полковник, что вас сошлют в Сибирь?

— Зачем?—ответил Абель.

— Подумайте, еще не поздно,—продолжал американец.

Абель только усмехнулся и отвернулся от него. Около пяти лет к нему пристают с одним и тем же. Говорить что-либо было противно. Да и не к чему.

Машина затормозила у моста. У входа большая доска оповещала на английском, немецком и русском языках: «Вы выезжаете из американской зоны».

По ту сторону Абель заметил группу людей в штатском и среди них одного своего старого товарища по работе. На середине моста Донован беседовал с советскими представителями.

Один из сопровождавших Абеля американцев подошел к ним и вскоре подал сигнал приблизиться.

Неторопливым шагом Абель направился к середине моста.

«Окруженный здоровенными охранниками, появился Рудольф И. Абель, изможденный и выглядевший старше своих шестидесяти двух лет. Пребывание в тюрьме в Америке оставило на нем заметный след. Теперь в самый последний момент он держался только благодаря выработанной им внутренней самодисциплине»,— такое воспоминание осталось у Донована о последней встрече со своим подзащитным.

Напротив Абеля, у белой черты, разделявшей Глиникер-брюкке ровно пополам, между двумя мужчинами

Мост в Глинике (Берлин)

стоял молодой, высокий, краснощекий человек¹. «Пауэрс»,—догадался Абель, в первый и последний раз в жизни внимательно разглядывая человека, чья судьба так случайно переплелась с его собственной.

Абель взглянул на часы. Они показывали 8 час. 45 мин.

«Представитель СССР громко произнес по-русски и по-английски: «Обмен!» Уилкинсон вынул из портфеля какой-то документ, подписал его и передал мне. Быстро прочел—он свидетельствовал о моем освобождении и был подписан президентом Джоном Ф. Кеннеди! Я пожал руку Уилкинсону, попрощался с Донованом и пошел к своим товарищам. Перешел белую черту грани-

¹ Из тюрьмы Пауэрс писал своей семье: «Со мной обращаются гораздо лучше, чем можно было бы ожидать. Я получаю больше пищи, чем могу съесть, и много сплю... Я также бываю на прогулке на воздухе каждый день, когда нет дождя».

цы.., и меня обняли товарищи. Вместе мы пошли к концу моста, сели в машины и спустя некоторое время подъехали к небольшому дому, где меня ожидали жена и дочь.

Кончилась четырнадцатилетняя командировка!»

Так, в свойственном ему сдержанном, даже суховатом тоне Абель описывает момент своего освобождения.

На этом, собственно, и можно было бы закончить наш рассказ о произволе американского суда и мужестве советского гражданина перед американским судом. Но читатель вправе спросить о дальнейшей судьбе полковника.

Абель давно дома, с семьей. К его правительственным наградам прибавился орден Красного Знамени за мужество и стойкость, проявленные в сложной обстановке перед лицом классового врага.

Несмотря на свои 70 лет и перенесенные испытания, Рудольф Иванович бодр и продолжает заниматься делом обеспечения государственной безопасности СССР, которому посвятил свою жизнь. Передает свой богатый опыт молодым чекистам.

Вспоминая пережитое, Абель говорит, что все то время, пока он находился в американской тюрьме, его поддерживала уверенность в том, что на Родине делается все возможное, чтобы помочь ему. А увлечение математикой и искусством, постоянный труд помогли сохранить душевное равновесие, переносить тяготы тюремной жизни.

Ну, а Хейханнен. Что стало с этим предателем?

После суда над Абелем он окончательно спился. 17 февраля 1964 г. в «Нью-Йорк джорнел Америкен» и в других американских газетах появилось сообщение о том, что Хейханнен «погиб в таинственной автомобильной катастрофе на одной из дорог США».

Никто не сожалел о нем.

Донован умер. Рудольф Иванович с теплотой вспоминает о нем. Он считает, что как адвокат Донован сделал все, что было в его силах, и честно отстаивал интересы своего подзащитного. Чтобы как-то лично отблагодарить Донована, Рудольф Иванович, помимо гонорара, послал ему в августе 1962 года небольшой подарок и письмо.

«Дорогой Джим!

Хотя я не коллекционер старых книг и не юрист, я полагаю, что две старые, изданные в XVI веке книги по вопросам права, которые мне удалось найти, достаточно редки, чтобы явиться ценным дополнением к вашей коллекции. Примите их, пожалуйста, в знак признательности за все, что вы для меня сделали.

Надеюсь, что ваше здоровье не пострадает от чрезмерной загруженности работой.

Искренне ваш Рудольф».

К письму были приложены два редких издания «Комментарии к кодексу Юстиниана» на латинском языке.

Донован очень гордился этим подарком и полностью поместил письмо Абея в своей книге...

Передо мной сидит Рудольф Иванович. Он, как всегда, хорошо выбрит, по-молодому сухощав и подтянут. Углубился в чтение моих записок и не замечает, что чай уже остыл.

А у меня в памяти всплывают слова Владимира Ильича Ленина, сказанные им на митинге-концерте сотрудников ВЧК 7 ноября 1918 г. Ильич говорил, что главное для чекистов—верность.

И еще вспоминается постановление ВЦИК о награждении Ф. Э. Дзержинского орденом «Красного Знамени». Там, в частности, было сказано, что Дзержинский всегда ставил интересы рабочего класса «превыше всех иных соображений и чувств».

Я смотрю на Абея и думаю: вот он, один из многих чекистов, воспитанных партией на этих традициях.

Да, главное для чекиста — это верность. Верность партии, своей Родине, своему народу.

СОДЕРЖАНИЕ

АРЕСТ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ	5
ПОДГОТОВКА ПРОЦЕССА	16
СУД	24
АПЕЛЛЯЦИЯ. ТЮРЬМА В АТЛАНТЕ	41
В ВЕРХОВНОМ СУДЕ США	52
ВОЗВРАЩЕНИЕ	60

Тишков Арсений Васильевич
«РУДОЛЬФ АБЕЛЬ ПЕРЕД АМЕРИКАНСКИМ СУДОМ»

Редактор *И. Т. Померанцев*
Обложка художника *В. Г. Прохорова*
Художественный редактор *И. Е. Сайко*
Технический редактор *В. А. Серякова*
Корректор *И. Н. Тарасова*

Сдано в набор 21/I 1971 г. Подписано в печать 24/III 1971 г.
Бумага типографская № 3, формат 84×108¹/₃₂.
Объем: усл. печ. л. 3,78; учет.-изд. л. 3,64.
Тираж 100000 экз. А-02685.

Издательство «Юридическая литература»,
Москва, К-64, ул. Чкалова, д. 38 — 40.

Заказ № 958

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 2
имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Измайловский проспект, 29.

Цена 8 коп.

